
Михаил Кречмар
Хроники разрушенного берега

Михаил Арсеньевич Кречмар

Хроники разрушенного берега (сборник)

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377915
Хроники разрушенного берега: Изд. дом «Бухгалтерия и банки»; М.; 2011
ISBN 978-5-902479-17-8

Аннотация

Автор этой книги, полевой зоолог, в течение двадцати пяти лет был участником большого количества северных экспедиций, пешком, на оленях, лошадях, лодках, вездеходах, вертолётах и самолётах покрывал огромные пространства тайги и тундры. В каждом инструктаже по технике безопасности, во время ночёвок с товарищами у костра, на долгих и однообразных маршрутах он слышал рассказы о долге, мужестве, терпении, смекалке и выносливости, как и о малодушии, разгильдяйстве, трусости и предательстве. Часть этих очерков и предлагается вниманию широкого круга читателей.

Главное, о чём говорится в этой книге, – это то, что человек способен преодолеть практически любые препятствия, если он целеустремлён, сообразителен и руководствуется принципом «Никогда не сдавайся!».

Содержание

Десять историй о жизни и смерти 4
Предисловие 4
История первая. Ошибка в маршруте 6
История вторая. Уйти или остаться? 14
История третья. Анюйское сидение 20
История четвёртая. Пожар в избушке 27
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Михаил Арсеньевич Кречмар
Хроники разрушенного берега

Моему сыну Артёму

Десять историй о жизни и смерти

Предисловие

Мы живём в сложном, быстро меняющемся и почти непредсказуемом мире.

В коловращении городской жизни, в меняющихся каждый день обстоятельствах, в теленовостях, в сплетнях за чаем у рабочего стола, на досках приказов корпорации, где вы работаете, на перекрёстках проспектов и улиц, в сводках о валютном курсе и переменах погоды – везде в той или иной форме скрыта угроза. Угроза потерять работу, лишиться пособия, не продвинуться на ступеньку по должностной лестнице, не получить прибыль от сделки, быть обманутым мошенниками или ограбленным бандитами.

С каждым днём колесо постиндустриального мира набирает обороты, и человек судорожно пытается удержаться на его ободе.

Невесёлая картинка, не правда ли?

Так вот, подавляющее большинство моих героев оказывались в ещё более негостеприимных мирах. В мирах, где они не могли апеллировать к морали, гуманизму и законам социального общежития или просто рассчитывать на дружескую поддержку. В мирах, где отсутствовали добро и зло в нашем, человеческом, понимании, где основными их противниками выступали четыре стихии – Вода, Земля, Огонь и Ветер. Более того, они попадали в эти миры в результате внезапной перемены судьбы (что само по себе является страшнейшим потрясением для человека) и в значительной степени неподготовленными к предстоящим им испытаниям.

Многие из них в первые секунды своего существования в ином мире вынуждены были довольствоваться ощущением того, что они – да, таки остались в живых. И более ничем.

Как ни странно, я говорю здесь не о героях народных эпосов, сказок или научно-фантастических произведений. Я говорю об обычных людях – лётчиках, гидах-проводниках, геологах, охотниках. В результате несчастного стечения обстоятельств (или человеческого разгильдяйства) им приходилось оказываться один на один с природой и упорно, с напряжением многих сил выкарабкиваться из сложнейших ситуаций, которые в нашем мире считаются экстремальными. Далеко не всегда они находились в хорошей физической форме, многие из них были серьёзно ослаблены и даже тяжело ранены. И сложности, с которыми им пришлось столкнуться на своём пути, были намного большими, нежели у бизнесмена, разорившегося под прессом гангстеров и государства, или у менеджера, потерявшего работу в супермаркете. Но для того чтобы выжить (а многие кроме выживания ухитрялись ещё и выполнять свои прямые, так сказать, производственные задачи), этим людям не пришлось делать практически ничего сверхъестественного. Да, в ряде случаев им пришлось потрудиться руками (и ногами, добавлю я). Но в гораздо большей степени им пришлось поработать головой: нестандартность всего происходившего после крушения самолёта или пожара единственного таёжного жилища подразумевает необходимость в особой сообразительности. А самое главное – они были психологически подготовлены к любому, пусть даже худ-

шему, развитию событий и уверены в своей победе над силами стихии. И очень не хотели умирать. За счёт этой уверенности они и выжили.

Собственно, это я и хочу донести до людей, которые теряют работу, разоряются и переживают другие невзгоды в наших благоустроенных, освещённых и оснащённых общественным транспортом городах.

Автор этой книги, полевой зоолог, в течение двадцати пяти лет был участником большого количества северных экспедиций, пешком, на оленях, лошадях, лодках, вездеходах, вертолётах и самолётах покрывал огромные пространства тайги и тундры. В каждом инструктаже по технике безопасности, во время ночёвок с товарищами у костра, на долгих и однообразных маршрутах он слышал рассказы о долге, мужестве, терпении, смекалке и выносливости, как и о малодушии, разгильдяйстве, трусости и предательстве (да-да, люди остаются теми же людьми – что в залах Эльсинорского замка, что в Чаунской тундре).

Какие-то из этих историй были вполне правдоподобными, какие-то – маловероятными, а какие-то казались совершенно фантастическими.

В конечном итоге я стал записывать эти истории и по возможности проверять их подлинность.

Часть этих очерков, в которых описаны наиболее достоверные случаи, я и предлагаю читателям.

Главное, о чём в них говорится, – это то, что человек способен преодолеть практически любые препятствия, если он целеустремлён, сообразителен и руководствуется принципом «Никогда не сдавайся!».

В ряде случаев я изменил как имена и фамилии действующих лиц, так и места чрезвычайных происшествий, в которые они попали. Всё это мне пришлось сделать из-за того, что сами ЧП и сопутствовавшие им обстоятельства становились объектами государственного расследования, а также потому, что причины этих ЧП заключались в халатности людей, которым сегодня очень не хотелось бы об этом вспоминать. Но сами события изложены здесь с максимальной полнотой.

История первая. Ошибка в маршруте

Началась эта история 10 марта 1962 года на одном из аэродромов Якутии. Группе из пяти охотоведов и привлечённых наблюдателей, а также трёх членов экипажа предстояло считать с самолёта лосей вдоль речных пойм притоков Лены. Как обычно зимой (а зима в приполярных регионах начинается в октябре и заканчивается во второй половине апреля), вылет учётного борта был назначен на десять утра. Учётным бортом был самолёт Ан-2 – наверное, одно из самых универсальных воздушных судов XX столетия. Массивный кургузый биплан грузоподъёмностью полторы тонны представлял собой малотоннажный грузовик и очень мало подходил для своей нынешней роли – самолёта для авианаблюдения. Дело в том, что практически всё пространство под иллюминаторами закрывали массивные нижние плоскости самолёта, в которых находились топливные баки. Поэтому для того, чтобы что-то увидеть с воздуха, наблюдатели садились с каждого борта парами: один смотрел по ходу самолёта, другой – в обратную сторону. С другой стороны, Ан-2 обладал двумя очень ценными качествами: во-первых, с полностью заправленными баками он мог находиться в воздухе около восьми часов, во-вторых, был довольно дёшев в использовании. Оба этих качества в совокупности приводили к тому, что Ан-2 стал излюбленным воздушным судном подавляющего большинства экспедиционной братии – геологов, геофизиков, метеорологов-снегосъёмщиков и, как в данном случае, биологов-охотоведов.

Кроме того, этот самолётик мог садиться на лыжах (и даже колёсах) на самые малопригодные площадки – замёрзшие озёра, обширные галечниковые косы, пространства мелкощебнистой горной тундры. Командир эскадрильи Зырянского авиаотряда Николай Т-ов даже хвастался, что *всегда* сядет в радиусе одного километра от любой точки, которую заказчик поставит на карте. Конечно, Т-ов привирал, как положено нормальному лётчику, но рациональное зерно в его рассуждениях имелось. На лыжах Ан-2 мог сесть даже на кочкарную тундру, если эти кочки были прикрыты снегом.

Начальник группы учётчиков Валерий Александрович обсуждал с командиром экипажа предстоящий маршрут. Всё это происходило в общей комнате маленькой аэропортовской гостиницы на шесть номеров, где на печке побренькивал чайник, на специальных крючках сушились унты, два других члена экипажа играли в нарды (называвшиеся почему-то «кичей»), а остальные учётчики пили чай, вполуха прислушиваясь к разговору «старших».

Учётчик Валера Бурзайкин двадцати трёх лет от роду был самым младшим в компании. И, как самого младшего, его постоянно шпыняли. Даже место на борту ему досталось самое замухрышистое – на откидном стуле возле двери, в которой тоже был прорезан иллюминатор. И смотреть Бурзайкин по бортовому расписанию должен был не вперёд, а назад – выглядывать тех животных, которые пропустили над собой самолёт, оставаясь неподвижными, а потом побежали в противоположную сторону. То есть тех, которых не увидел первый учётчик. Подбирать хвосты, одним словом. Бурзайкин взял три коробка спичек, лежавших на столе, и подбросил их в воздух. Ему доставляло удовольствие смотреть, как они падают.

Алексеич, самый пожилой член группы, неторопливо разлил чай по двум термосам, нарезал хлеб и переложил его сервелатом. Всё это он завернул в бурую бумагу и пристроил в небольшой рюкзачок, куда упаковал ещё запасной комплект варежек, носков и водолазный свитер верблюжьей шерсти. Алексеич был очень запасливым человеком. И обладал завидным чувством времени. Потому что в тот момент, когда он закончил оборачивать термосы тёплыми вещами и зашнуровал рюкзак, руководители полёта закончили совещаться и командир экипажа протянул планшет с картами второму пилоту – оформлять документы на маршрут.

– Сколько сегодня? – услышал Бурзайкин вопрос штурмана.

– Нормально. Около тысячи семисот.

«Это он про километры налёта, – подумал Бурзайкин. – Стало быть, будем болтаться в воздухе около семи часов. Полный рабочий день. Неподвижно и на морозе, угу».

Экипаж и учётчики облачились в тяжёлые меховые костюмы, унты и огромные собачьи шапки. Была в те годы такая занятная мода на советском Севере: считалось, что у настоящего Большого Начальника шапка должна сама сниматься в дверях об косяк.

Но это были очень тёплые шапки.

У Валеры Бурзайкина даже и шапки собачьей не было. А был у него выданный со склада в лаборатории кожаный лётный шлем, идеально выполняющий функции термоизоляции, но делающий его обладателя похожим на смешного яйцеголового марсианина.

Бурзайкин со вздохом напялил на голову окаянный головной убор, делавший его предметом постоянных насмешек всей группы, и… по совершенно непонятному наитию сгрёб все три спичечных коробка в карман.

Это непроизвольное движение он будет потом вспоминать всю жизнь…

На мороз из гостиницы можно было попасть только через несколько шлюзов-тамбуров. И если в первом из них температура была ещё вполне терпимой, то в третьем лицо человека уже обжигал мертвящий космический холод.

На улице же воздух можно было резать ножом, как студень.

– Что за весна такая проклятая, – выругался начальник группы Валерий Александрович. – Уже вторая декада марта пошла, а морозюга давит, как в феврале!

– Какая уж есть, – философски заметил Алексеич, и восемь человек, скрипя массивными войлочными подошвами унтов по разрыхлённому колёсами бензовозов снегу, зашагали к самолёту, возле которого уже суетились аэродромные механики.

Учётчики заняли свои места в тусклом дюралевом вагоне фюзеляжа, и самолёт, прорубив положенное время винтами на полосе, развернулся против ветра и неторопливо начал обычный разбег по направлению к горизонту.

Через двадцать минут земля приняла привычный для аэронаблюдателя вид – взбитого белого одеяла, поросшего в складках густой чёрной шерстью древесной растительности. Самолёт лёг на курс и принялся отрисовывать детали русла, чтобы протянувшиеся по обеим сторонам реки полосы леса и кустарника попадали в поле зрения учётчиков с обоих бортов.

Долина реки Калдан здесь расширялась среди невысокой холмистой местности, образуя широкую, в три километра, внутреннюю дельту трёх рек, стекавших с хребта Обручева. По условиям задачи учётный маршрут должен был начинаться с устья притока Буоннах, идти по нему двести километров до перевала в верховьях, затем переваливать в бассейн Индигирки и дальше следовать уже по её притокам.

Однако штурман в неразберихе проток и стариц внутренней дельты пропустил устье как Буоннаха, так и следующей реки, Андыливана, и принял за устье Буоннаха только уходящий на северо-восток от направления основного маршрута приток Чистагай. Все реки не имели чётко выраженных географических примет, которые можно было заметить на карте масштаба 1:500 000, и поэтому все участники маршрута долгое время были убеждены, что самолёт следует вверх по Буоннаху.

О том, что Ан-2 находится в совершенно другом месте и отклонился на сто двадцать километров от нитки изначально проложенного маршрута, экипаж и руководитель учётной группы стали догадываться лишь после того, как машина оказалась в постоянно сужающемся ущелье, причём высота учётного маршрута не позволяла самолёту подняться выше ближайших сопок, чтобы определиться с высоты на местности. После краткой перебранки, в которой преобладали непечатные выражения со стороны экипажа по отношению к штурману, в кабине посчитали, что самолёт ошибся всего одним притоком и они сейчас летят по расположенному рядом Андыливану, а после преодоления перевала «свалятся» в Буоннах.

Достоверно же о происшедшем в кабине не узнает уже никто…

Бурзайкин об ошибках в маршруте и в определении положения самолёта на местности мог только подозревать.

Лоси, словно чёрные кузнечики, выскакивали из-под самолётного брюха, и Бурзайкин фиксировал все наблюдения на маршруте, не забывая отмечать время встречи с каждым зверем. Горы смыкались по бортам речной долины, леса становилось всё меньше и меньше… Наконец мелькнула занесённая снегом плоская крыша какого-то строения (поварни, как принято говорить в Якутии), и долина реки приобрела вид белого струящегося вниз одеяла уже без малейших чёрных соринок на нём.

Долина Чистагая в хребте Обручева заканчивалась не перевалом, а цирком.

Только, во-первых, на карте масштаба 1:500 000 такие мелочи практически незаметны, а во-вторых, экипаж и старший учётной группы не знали о том, что находятся в долине Чистагая. И не узнали до самого своего конца. Потому что когда узенькое ущелье за поворотом неожиданно оказалось запертым упирающейся в небеса иззубренной каменной стеной, командир попытался резко взять вверх, а затем, понимая, что выкарабкаться уже не удастся, развернул самолёт вправо, пытаясь лечь на обратный курс.

Биплан резко накренился, начал разворот и примерно в его середине зацепился правыми плоскостями за стоящие вполсклона останцы. После чего развернулся перпендикулярно обрыву, задрал нос и разбился плашмя о скалу.

Обломки самолёта зацепились за торчащие из снега камни и загорелись.

Валерию Бурзайкину невероятно повезло.

При первом столкновении дверь, возле которой он сидел, сорвало, и самого наблюдателя выбросило в проём. Только пролетел он не более десяти метров, после чего попал на крутой склон, покрытый глубоким снегом.

Здесь ему повезло ещё раз: снег оказался относительно рыхлым, и Бурзайкин не разбился и даже не сломал руку или ногу, а только ободрал лицо о наст.

Третий раз ему повезло, когда вспыхнувшие обломки самолёта пролетели в десяти метрах правее него и упали на значительном удалении.

Здесь везение Бурзайкина кончилось.

Он находился посреди изрезанного горного массива, далеко в стороне от заявленного на контрольно-диспетчерском пункте маршрута, без снаряжения, пищи, оружия, лыж и средств связи. До конца холодов оставалось не меньше полутора месяцев, а до активного снеготаяния – не меньше двух.

Самолёт ещё догорал, а Бурзайкин обо всём этом уже подумал.

Биплан пылал чистым, ярким пламенем – это горели алюминиевые детали конструкции. Иногда Бурзайкину казалось, что он улавливает запах горелого мяса, но, скорее всего, это просто казалось, потому что ветер относил пламя в сторону.

Бурзайкин глядел на огонь и думал, думал…

Самолёт догорел только в сумерках.

Бурзайкина трясло, но, несмотря ни на что, он подошёл ближе к пожарищу. Раскалённый каркас Ан-2 отдавал тепло в течение почти всей ночи. Где-то совсем рядом, в трёх метрах, находились обугленные останки его товарищей.

Бурзайкин о них почти не думал.

Он судорожно соображал, что можно в такой ситуации сделать.

Как потом рассказывал Валерий, самыми страшными для него были первые две ночи после катастрофы. Морозное чёрно-синее небо скалилось на него мириадами звёзд. Сквозь прозрачную атмосферу ему усмехался Космос, безвоздушное холодное и беспощадное пространство. Впереди была неизвестность.

– Я ж лётный наблюдатель, летнаб то есть, – рассказывал мне Валерий спустя тридцать лет после произошедшего. – Должен всё разглядывать, что с воздуха видно. Поэтому я сразу же подумал: надо идти к той поварне, которую заметил на краю леса. Понятно, что стоит она там совершенно брошенная, но всё-таки – крыша над головой и какой-никакой очаг. Но от самолёта я пока отходить не хотел. Пока стоял у кострища, успел провести инвентаризацию по карманам. Вещи там находились преимущественно ненужные: два карандаша для записей в тетрадь наблюдения, горсть денег, пара гвоздей, неизвестно за каким чёртом туда попавших, и вот это… три коробка спичек. Три полных коробка. Я сразу понял, что это и есть настоящее моё богатство, которое надо беречь как зеницу ока. Ещё верёвочка капроновая длиной метров пять – зачем-то отвязал от какой-то стойки в аэропорту. Просто на всякий случай. И ножик. Перочинный ножик с одним лезвием.

– Вот и весь мой актив на момент, когда я только выпал из самолёта, – подытожил Валерий: – Два гвоздя, три коробка спичек, верёвочка да перочинный ножик…

На момент катастрофы за плечами двадцатитрёхлетнего Бурзайкина было совсем немного опыта: учёба в Пушно-меховом институте в Подмосковье и, после его окончания, два года работы в отделении НИИ пушнины и животноводства в качестве лаборанта. Конечно, часть из этих двух лет прошла в разнообразных экспедиционных работах, но всё равно личный опыт Валерия как полевика был очень и очень невелик.

– Больше всего мне тогда приходили на ум приключенческие книжки, прежде всего «Робинзон Крузо». У этого Робинзона, так его растак, худо-бедно был целый корабль на рифах, откуда то он сам снимал что-нибудь полезное, то ему что-нибудь само приплывало. И вообще, у него там всё вполне оживлённо было: корабли раза три просто так заходили, индейцы людоедствовали, и тепло, главное – там было тепло! Жарко даже! А там, где я стоял, и дров-то толком не наблюдалось. И корабль мой единственный сгорел практически дотла. И я точно знал, что если меня кто и будет искать, то в лучшем случае в пятидесяти километрах отсюда. И что мы запрёмся в такую глухую долину, где живности нет никакой, а только снег да скалы, – тоже никому даже и поблазниться не может.

И понятно мне, что надо отсюда шагать. Это трудно. Потому что шагать придётся по снегу. А лыж у меня нет.

Прикидываю, сколько осталось до ближайшего посёлка. Это Сватай. Напрямую километров двести. Это как ворона летит. А если так, как можно на двух ногах пройти, – то и все триста пятьдесят. Нет, точно не дойду. Но есть выход. Забиться в эту поварню, которую я обнаружил, и жить там до весны. Весной реки растают – сгородить плот и сплавиться докуда можно.

Сразу другая проблема: а что жрать?

Когда мы летели, я видел много заячьих стёжек, куропатки взлетали. Лоси были километрах в двадцати, возле этой поварни, но без оружия для меня лось недоступен. Куропаток и зайцев ловят петлями, но из чего делать эти петли? Да и много ли здесь этих зайцев и куропаток? Подумал о них – и сразу есть захотелось.

Бурзайкин принялся разбирать останки сгоревшего самолёта. Он рассчитывал найти хоть какие-нибудь инструменты, проволоку и нечто похожее на оружие. Ему удалось обнаружить лопату (со сгоревшим черенком), пожарный топорик с железной ручкой из приваренной трубы, пассатижи, несколько отвёрток и напильников в ящичке для инструментов, где хранил их бортмеханик, две обгорелые кружки, ведро и рулон мягкой тонкой стальной проволоки – несколько десятков метров.

Это было настоящее сокровище!

Самым неприятным было соседство сгоревших людей.

– Когда человек сгорает – он весь чёрный становится, только зубы – белые-белые, прямо так на углях и сверкают. Я их всех обошёл, думал – может, чудом командирский

пистолет уцелел. Куда там – он заряжен был, патроны в ручке взорвались, весь разворотили. Я пока в самолёте лазал, всё страшно было. Я ведь понимаю, что они мёртвые, но как ни шевельнись – кажется, что они поворачиваются и на тебя смотрят. Особенно Алексеич – он в хвосте сидел, как и я, обгорел меньше всех, и лицо у него чёрное, а глаза – красные. Веки только сгорели, и он этими глазами в небо смотрит. А глаза – огромные, с кулак, сидят во впадинах. Никогда не думал, что у человека такие большие глаза, по правде-то…

Уже после полудня Бурзайкин начал спускаться вниз, в долину Чистагая. Проволоку и инструменты он уложил в ведро, завернув в кусок брезента, который выпал из разваливающегося самолёта до того, как тот загорелся.

Меховые штаны он снял и присовокупил к тому же небольшому вьючку.

С каждым шагом Бурзайкин проваливался в снег. Тогда ему пришла в голову мысль идти не самым дном долины, а держась склонов: там поверхность снега была более удутой и местами держала человека так, что можно было по ней идти, практически не оставляя следов. Но там, где наст переставал держать, Бурзайкин проваливался практически по пояс. Ему даже не хотелось думать о том, какой здесь может быть глубина снега. Хуже всего было то, что он постепенно выбивался из сил. Жутко хотелось есть. Однако никакой доступной пищи в ближайшем будущем не предвиделось.

Уходя вниз, Бурзайкин понемногу терял из виду склон с разбившимся на нём самолётом. И вот что странно: ведь самолёт (а точнее, пепельное пятно с обгорелыми чёрными трупами-головешками) олицетворял вроде самое страшное, что только случалось в бурзайкинской жизни, а исчез он за поворотом склона – и как будто прибавилось ещё одиночества…

Впереди, словно постоянно удалявшийся мираж, маячила чёрная щётка леса. И каждый шаг по направлению к ней давался всё с большим и большим трудом.

Время от времени Бурзайкин садился на снег – и думал. Думал он, прежде всего, о том, что надо что-то словить для еды. Можно было, конечно, настрогать коры с ивняка – в детских исторических книжках ему приходилось читать, как люди питались ивовым лыком. Но верилось в ивовое лыко с некоторым трудом.

К первым зарослям тальника Бурзайкин подошёл только в сумерках. Ноги к тому времени практически не гнулись. Но Валерий выбрал куртину кустов с сухими ветками, вытоптал в снегу площадку, развёл костёр и вскипятил кружку воды.

Стало тепло, но есть захотелось ещё больше.

Вторая ночь на этом пути запомнилась Бурзайкину едва ли не больше, чем первая. Ивовые прутья горели, как порох, поэтому небольшой запас дров закончился сразу после полуночи. Вокруг остались только снег, холод и темнота.

Этой ночью Валерий передумал очень и очень многое. Он посчитал, сколько времени займёт у него пеший переход хотя бы до реки Калдан, вдоль которой уже тянулись промысловые участки охотников. Сами охотники в конце февраля уже разбрелись по посёлкам, но в избушках должны были оставаться минимальные инструменты, запас продуктов, возможно – лодки, на которых чуть позже можно было сплавиться до посёлка. Но пока – его ближайшей целью была поварня, до которой, по оценкам Бурзайкина, оставалось около десяти километров.

– Когда на самолёте летишь – всё будто бы рядом кажется. Десять километров туда, десять сюда. А по земле эти десять километров иногда и день целый идёшь – вон как я тогда – по снегу, пешком и без лыж. И ясно мне, что дойду я до Калдана только к маю. Как раз к вскрытию реки. Но сперва надо – жрать, жрать и жрать!

Слушая Бурзайкина, я вдруг понял одну очень важную вещь: он ни на секунду не сомневался в том, что он – выберется, дойдёт, сплавится на каком-нибудь плоту. То есть он ни на секунду не допускал мысли, что может остаться здесь – замёрзшим трупом, ещё одной мрачной вехой в истории северных катастроф.

Ну вот так, просто не допускал – и всё!

Едва чуть рассвело, Бурзайкин собрал ещё хвороста, вскипятил ещё одну кружку кипятка, выпил её натощак (а как же иначе? «Сосать лыко совсем не хотелось», – заметил он) и продолжил путь.

Он старательно обходил впадины в рельефе, которые могли скрывать промоины («Попасть в воду на таком морозе – точно ласты склеишь»), и старался двигаться, невысоко поднимая ноги: казалось, что так меньше расходуется энергии на передвижение.

А потом… А потом он увидел первую заячью стёжку.

Это был свежий, совсем свежий след, заячьи лапы только что смели с поверхности лёгкого наста выпавший поутру снежок. Зверёк пробежал здесь буквально за несколько минут до появления Бурзайкина.

Это был всего один след – но сколько же уверенности он придал Валерию!

Ивовые заросли сгущались. Заячьи стёжки становились всё чаще и чаще.

В каком-то месте, где вдоль бровки берега несколько цепочек сливались во вполне заметную тропинку, Бурзайкин остановился и поставил две петли.

– В любом случае надо было останавливаться в поварне. Я вот о чём подумал: от этого места до неё – ну от силы три километра. И сюда уже будет идти тропа, а значит – добираться будет значительно легче.

До поварни оставалось всего восемьсот метров.

…Это было старое, вросшее в землю строение, поставленное каким-то охотником-промысловиком. Высотой в двенадцать венцов, с плоской засыпанной землёй крышей и с замазанным глиной очагом-камельком у противоположной от входа стенки. Дверь была наполовину оторвана (нижнюю ремённую петлю, видимо, съели мыши), нары засыпаны сухой травой, которую натаскали пишухи-сноставки, окон в стенах не было вообще.

Но всё-таки это было строение, в углу его высилась значительная охапка дров, а с потолка свешивался полотняный мешок с какими-то невесть когда принесёнными сюда продуктами.

– Если честно – вот тогда я понял, что *дошёл*. Нет, наверное, всё-таки не тогда. Тогда я, как шакал, воспользовался плодами чужого труда – вскипятил воду, разбодяжил в ней два сухаря. Растопил очаг. Согрелся. Обыскал избу. Нашёл ржавую ножовку, кастрюлю, чайник. Много гвоздей. Заснул – и, как ни странно, выспался. А на следующее утро пошёл проверять петли – и вытащил из одной из них зайца!

Здесь надо заметить, что Бурзайкину снова сильно повезло. Но не в том, что на третий день после катастрофы он поймал в петлю беляка. А в том, что в тот год в Северо-Восточной Якутии был так называемый «год заячьего урожая», когда заяц размножается в совершенно невероятных количествах. Эти годы случаются раз в десять-одиннадцать лет. Естественно, в такой период добывать зайца, в том числе и петлями, становится довольно просто. Некоторые хитрости содержатся в самой конструкции петель и в способах их постановки, но именно эти хитрости Бурзайкин, как человек, дважды работавший с охотниками-якутами, знал. И, прихлёбывая из кружки крепко пахнущий зайчиный бульон, он впервые за прошедшие четыре дня позволил себе посмотреть в будущее относительно уверенно.

Так Бурзайкин поселился в поварне в верховьях Чистагая – собирал дрова, ловил зайцев и просто считал дни. Солнце пригревало, потихоньку-потихоньку с крыши начала сочиться капель. Трижды он слышал над хребтом звук авиационных двигателей – самолёт искали, но, судя по всему, очень далеко от места его настоящего падения.

Думаю, что это время Бурзайкин просто-напросто отходил от невероятного нервного шока и потрясения. Он ухитрился загнать это потрясение очень глубоко внутрь себя и полностью сосредоточиться на своём спасении. Добравшись же до места с относительно гаран-

тированной безопасностью, он, как заметил сам, полностью ушёл в «насекомое существование».

Вместо чая он заваривал листья брусники, которые собирал в двухстах метрах от поварни на обдутой бровке берега. Зайцев он ловил столько, что даже морозил часть их тушек и создал на будущее небольшой запас. В тот же запас Бурзайкин определил и найденные в поварне сухари. Он положил себе есть не больше одного сухаря в два дня, предполагая, что они очень ему понадобятся на пути до Кал дана.

Кроме того, Бурзайкин начал делать лыжи.

В качестве заготовок для лыж он использовал толстый сухостойный ствол ивы-кореянки – чозении. Это было чертовски долгое занятие: сперва он принёс обрубок длиной в собственный рост в поварню, затем тщательно распустил его на две доски. Главной проблемой для Бурзайкина была невозможность наточить инструменты: обгоревшие напильники с этой задачей справлялись плохо. То есть топор с лезвием из мягкого металла они ещё брали, а вот зубья пилы-ножовки – уже нет.

Но древесина чозении была мягкой, торопиться было некуда, и, по утверждению Валерия, через пять дней ему удалось соорудить пару самых страхолюдных на свете лыж – шириной почти в две ладони и длиной полтора метра. Концы их он загнул над огнём в камельке, поверхность обжёг, крепления сделал из того самого брезента, который выпал из рухнувшего самолёта.

Надо сказать, что существование Бурзайкина в поварне было отнюдь не столь идиллическим, как можно было бы заключить из написанного мною. Зайцев из расставленных вокруг избушки петель начала потаскивать росомаха, да и вообще их количество в окрестностях оказалось конечным. Бурзайкин поймал и заморозил около двадцати зверьков, но за каждым следующим ему уже приходилось уходить всё дальше и дальше. Дни увеличивались, и надо было потихоньку решать – двигаться ли дальше на Калдан или ждать вскрытия рек здесь, в поварне на Чистагае.

– После того как встал я на лыжи, мне буквально море по колено показалось. Будто крылья обрёл. И это даже на таких, совсем страшненьких, которые у меня получились. Теперь я уже только отъедался и готовился к переходу. Сомнительно мне было, что по Чистагаю, особенно в его верхнем течении, можно хорошо сплавиться на плоту. А потом, когда в полутора километрах нашёл ещё одну ровную чозениевую сушину, решил сделать ещё одни лыжи.

Следующие лыжи Бурзайкин готовил про запас. Было очевидно, что его самодельные конструкции не очень надёжны и могут треснуть на жёстком насте или при пересечении буреломной тайги. Кроме того, он продолжал истреблять зайцев и морозить их мясо – в итоге у него оказалось почти двадцать килограммов зайчатины. И в начале апреля Бурзайкин, завернув в брезент свои в высшей степени нехитрые пожитки, покинул гостеприимную поварню неизвестного охотника и двинулся вниз, волоча за собой запасную пару лыж.

Проблему с ночёвками Бурзайкин решал просто.

Он добирался до более-менее значительного залома на берегу реки, складывал большой костёр и ложился рядом. Теплело, температура редко падала ниже минус двадцати по Цельсию, и овчинный полушубок, меховые штаны и унты неплохо защищали от холода. Лыжи он укладывал на снег, а поверх них наваливал охапку веток кедрового стланика. Несколько раз он устраивал пожоги на гальке, заваливал их тем же стлаником и мирно дрых, сколько дрыхлось.

– Исключительно расслабляющее дело эти пожоги, – чуть ли не мечтательно говорил Валерий. – Как в бане побывал: весь организм оттаивает и размягчается.

Однажды его путь пересёк след недавно поднявшегося из берлоги медведя.

– Встревожился я, конечно. Поглядел, откуда след, и обошёл то место, куда он направлялся, как можно дальше.

Я спросил его, опасался ли он во время своего странствия хищников – тех же медведей или волков.

– Волков? Да я про них и не думал вообще. Медведя, конечно, опасался. Весна же, он только после берлоги, жрать ему нечего. Да, встречал их следы раз несколько на своём пути. На самого не наткнулся, слава богу. Но, по правде сказать, мне тогда казалось, что не для того я из самолёта живой выпал, чтобы меня эта косматая тварь под конец дела сожрала. Гораздо больше я боялся под лёд провалиться. Но Чистагай становился всё шире и шире, и я шёл прямо по руслу реки, делая даже на моих убогих лыжах по сорок километров в день. Вообще надо сказать, что после того, как я вошёл в ритм, мне сам переход казался таким же бытовым мероприятием, как и жизнь в поварне. Проснулся, сварил зайчатины, поел, встал на лыжи – и в путь. Часам к пяти снова остановился, попил воды с иголками, снова двинулся. Ближе к семи-восьми часам начинаешь выглядывать, где тут дров побольше. Нашёл подходящее место – ну галечник чистый, рядом деревьев навалено – жжёшь костёр, рубишь лапник. Брезентом прикрылся и спишь. Через семь дней я уже был на Калдане.

Здесь перед Бурзайкиным встала дилемма – двигаться вверх или вниз по реке. Дело в том, что на Калдане в то время стояло два посёлка – один в ста километрах выше впадения Чистагая, второй – в ста восьмидесяти ниже. По некоторому размышлению Бурзайкин направился к тому, что ниже.

– Теплело с каждым днём. По льду уже пошла вода. Я опасался, что придётся пережидать распутицу на берегу. В принципе, я на это и рассчитывал, но надеялся, что смогу выйти на стоящие на Калдане охотничьи избушки.

Однако избушек прямо по берегам реки я не обнаружил. Все они стояли чуть в глубине, в полосе тайги. Искать их у меня не было времени: вся моя энергия была подчинена одному – быстрее вниз, вниз! К людям! Теперь они казались мне совсем близкими.

На самом деле Валерий Бурзайкин вышел на посёлок Сватай перед самым началом большой распутицы. Запасные лыжи он так ни разу и не надел…

История вторая. Уйти или остаться?

В августе 1944 года бомбардировщик B-25 Mitchell готовился к взлёту в аэропорту «Уэлькаль». Вообще-то «Митчеллы» перегонялись на фронт в Европейскую Россию, где они использовались в качестве лидеров звеньев истребителей. Но этот бомбардировщик планировалось перегнать в одиночку в аэропорт «Черский» с грузом медикаментов и продовольствия.

Командир экипажа не ожидал от предстоящего полёта ничего неожиданного. В его распоряжении была превосходная машина с самыми современными для той эпохи средствами аэронавигации (достаточно сказать, что на «Митчелле» имелись радар и радиокомпас, практически неизвестные на наших самолётах такого класса), комфортным салоном, простая и удобная в управлении. Командир с сочувствием посмотрел в сторону отдельно стоящих на «взлётке» транспортников Г-2, переделанных из бомбардировщиков ТБ-3: там лётчики до сих пор летали в открытых кабинах.

С Чукотского моря, от плавающих вдалеке льдов, тянулся туман.

– Что по трассе с погодой? – спросил командир подошедшего штурмана.

– Как всегда. Частичная облачность, две-три тысячи. Побережье прикрыто туманом.

– Как обычно, да. Давай убегать, пока не поздно.

Погодные реалии на южном побережье Чукотского моря ничем не отличаются от таких же реалий на любом арктическом морском побережье. Зимой – короткий день (а в какой-то период и вовсе его отсутствие), мороз и чаще всего ясно. Весной – пурги как предвестницы перемен и наступления сонной, мрачной туманной летней слякоти. Ну и лето – вот оно…

Туман клубился уже в двух километрах от берега.

– Ладно, гони экипаж, – решился командир. – Пусть запускаются…

Экипаж B-25 на фронте состоял из шести человек: машина была вооружена до зубов и требовала двух стрелков у крупнокалиберных турельных пулемётов. Однако здесь, на трассе Аляска – Сибирь, в шести тысячах километрах от линии фронта, можно было обойтись и тремя. Так случилось и на этот раз: экипаж составляли командир, штурман и бортмеханик Сергей Слепцов. Предстоял обычный транспортный полёт, и единственным врагом самолёта и его экипажа была просто не очень хорошая погода.

Насколько «не очень» – предстояло узнать уже в воздухе.

B-25 взревел моторами и, несколько раз подскочив на неровной грунтовой полосе «Уэлькаля», медленно оторвался и поплыл над серо-зелёной полосой прибрежной тундры…

Грузная машина басовито жужжала, постепенно набирая высоту. По пути к «Черскому» фактически отсутствовали высокие горные хребты – это если двигаться по налётанной трассе вдоль побережья Северного Ледовитого океана. Но следование налётанной трассе подразумевало довольно значительный крюк, а этот крюк стоил воюющей стране сотен литров драгоценного горючего.

Здесь надо заметить, что B-25 Mitchell работал исключительно на американском бензине Б-100, который поступал к нам только из-за границы. Поэтому экономия этого топлива всячески приветствовалась командованием перегонного корпуса, и лётчики старались идти навстречу его пожеланиям. Ведь шла Великая Отечественная война…

На маршруте стояла разреженная облачность, позволявшая уверенно ориентироваться на местности. Однако ближе к устью Колымы низкая облачность Чаунской низменности постепенно сменилась высокими облаками, шедшими с материка. Бомбардировщик «крался» по фронтовой полосе – но не той, для которой он был создан, а по полосе столкновения океанического и континентального атмосферных фронтов – той, которая делает погоду в Арктике столь непредсказуемой и опасной…

Погода проявила себя сразу после прохождения долины реки Баранихи. Казалось, что впереди стоит сплошная серая стена, упирающаяся внизу в серые пологие сопки и уходящая практически в стратосферу.

– Возвращаемся? – пожал плечами командир.

Возвращение означало дополнительный расход топлива. Альтернативой возвращению могла стать промежуточная посадка на твёрдую галечную косу морского побережья. Но B-25 Mitchell – самолёт довольно тяжёлый, угадать степень плотности гальки с воздуха, пролетая над ней на скорости восемьдесят километров в час, очень сложно. Кроме того, командир летал в Арктике недавно и к внеаэродромным посадкам (довольно обычным, к слову, в период войны) был непривычен.

– Будем пробиваться, – ответил он на собственный вопрос.

Ему не возразили. Командир отвечает за всё.

«Митчелл», словно диковинный инструмент, ввинтился в стену сплошной облачности.

Когда в справочниках говорится, что по пути между Чаунской низменностью и Черским практически нет больших высот, это не совсем так. Массив на водоразделе Баранихи и Малого Анюя имеет высоты около полутора километров, да и восточнее существуют хребты, способные серьёзно затруднить продвижение бомбардировщика средней дальности.

В любом случае командир старался удерживать самолёт на высотах более полутора тысяч метров, что, по его мнению, страховало его от столкновений с отдельно стоящими вершинами. Радиомаяк «Черского» в этот день не работал, и штурман вёл машину по счислению.

Неприятности с двигателем начались сразу после того, как самолёт перевалил из бассейна Баранихи в бассейн Малого Анюя. Левый мотор начал греться, и командир сбросил на нём обороты. Самолёт начал снижаться. Точных карт этого района в то время не было, и командир летел по крокам с приблизительно нанесёнными на них направлениями русел рек и отдельно стоящих вершин.

Облачность начала подниматься, в ней появились разрывы, но тут командир и штурман предположили, что они утянули слишком далеко к югу, и совместными усилиями откорректировали курс. Однако двигатель продолжал греться и в конечном итоге начал сбоить. Попытка компенсировать падение мощности за счёт другого двигателя привела к тому, что второй мотор также начал подавать признаки усталости. Наконец левый двигатель заглох, а правый продолжал работать с перебоями.

– Садимся на вынужденную, – принял решение командир и плавно повёл машину вниз, к руслу реки, в поисках подходящей косы для приземления.

Сесть они не успели. Правый двигатель чихнул и заглох, некоторое время было слышно, как пропеллеры в полной тишине рубят воздух. Командир пытался управлять планирующим аппаратом, но в конечном итоге бомбардировщик неуклюже зацепился брюхом за каменную россыпь на пологом склоне сопки, несколько раз подпрыгнул и с грохотом миллиона миллионов консервных банок протащился около сотни метров по заросшим стлаником валунам.

Командир, дико матерясь, отстегнулся от сиденья и выбрался наружу.

До «Черского», по самым оптимистичным прикидкам, оставалось больше шестидесяти километров.

При посадке все члены экипажа пострадали – понемногу и по-разному. Командир разбил лоб, штурман поранил руку, а бортмеханик Слепцов руку сломал.

Экипаж бродил вокруг самолёта и ругался.

Наругавшись всласть, командир остановился и присел на покрытый лишайником валун. Наступило время принимать решение, и решение это должен был принять только он.

Замечу, что, несмотря на должности и воинские звания, всем участникам лётного происшествия было от двадцати до двадцати шести лет. Самым старшим из них был бортмеханик Слепцов, он в Арктике работал давно, ещё до войны, обслуживал аэродромы в Марково и Анадыре. Но и это «давно» началось всего четыре года назад, а командир со штурманом – так те здесь вообще летали по году.

Но Слепцов молчал, потому что не он был здесь командиром.

– Идти-то можешь? – как о чём-то совершенно решённом спросил командир.

– Ты что, идти собрался? – удивился Слепцов.

И шлёпнул себя по щеке здоровой рукой, придавив два десятка комаров разом.

Штурман осматривал руку бортмеханика. Та лежала у него на коленях, длинная и бледная, как вытащенная брюхом вверх щука.

– Здесь болит? Здесь болит? Здесь не болит?

Перелом был внутренний, снаружи никаких повреждений заметно не было.

– Не шевелить – так срастётся, – поставил диагноз штурман. – Хорошо хоть, левая.

Командир разложил перед ними на валуне карту.

– Вот глядите, орлы. Мы пришли со стороны Анюя. Справа – две двойные вершинки, слева – длинный увал. Впереди – длинная холмистая тундра с озёрами, упирающаяся в Колыму. Прямо по курсу – вершинка, Пантелеиха, наверное. Вот нам чуть правее её держаться – прямо на базу выйдем.

– Я бы остался, – покачал головой Слепцов.

– Смысл? – поглядел на него штурман. – Здесь рукой подать. Остаться у ероплана – комары сожрут.

И хлопнул себя по щеке, убив ещё два десятка кровососов.

Командир нашёл в грузе медикаментов несколько индивидуальных медицинских пакетов, пошарил в фюзеляже, отбил от какого-то ящика какие-то досочки и сгородил Слепцову на руку примитивную шину.

– В общем, я на «Черский» не пойду, – категорически заявил Слепцов.

Ему не возражали.

– И вам особо не советую, – продолжил он.

– Это почему? – повернулся командир.

Авиаторы уже вытащили из самолёта десяток банок американской тушёнки («второй фронт», как её называли по всему Советскому Союзу в то время), три из них вскрыли и подкреплялись.

– Потому что жратва, – сказал Слепцов. – Потому что последняя радиосвязь у нас была неподалёку отсюда и нас совершенно точно будут искать. Потому что тундра перед Черским – это не тундра, а всякие бугры и увалы, а между ними озёра и протоки. И много кочек. Да и комары в низине сожрут гораздо вернее, чем наверху.

– Ну, ладно, предположим, найдут нас с воздуха, – согласился командир. – Но я не вижу, как здесь рядом можно сесть. Даже озера приличного не видать.

– А ты куда садиться собирался? На соседнюю реку – протоку Анюя? Вот подождём, когда нас обнаружат, и покажем им знаками, куда двигать: здесь это рядом, километров шесть всего. За три часа доберёмся.

– Слышь, Серёг, – улыбнулся командир. – Мы за два дня доберёмся до «Черского», отправим за тобой самолёт. Вот тогда ты туда и потопаешь. Жри свою тушёнку, здоровей. А мы двинем…

Залез в кабину и протянул Слепцову кобуру с пистолетом ТТ.

– Это от медведей. Говорят, здесь водятся. Бывай, брат!

Лётчики собрались, увязали свои бушлаты и личные вещи в узлы, добавили в эти узлы некоторое количество сухарей и тушёнки, кружки. Спальные мешки брать не стали.

– Тепло ещё, – объяснил командир. – Пока дойдём – взопреем. И так по этим кочкам идти задолбаемся.

– Лучше б вы никуда не шли, – заметил ещё раз Слепцов. – Это вам кажется, что шестьдесят километров – это раз-два, и тама. Вы ж здесь по кочкам никуда далеко не ходили. А кроме кочек здесь увал на увале, вверх-вниз, вверх-вниз, да и озёр с протоками чёрт-те сколько поразбросано. Их все обходить надо, так что там, где у тебя шестьдесят километров кажется, получатся все сто двадцать.

– Да ладно, – махнул рукой командир. – Молодые, здоровые. Хоть пешком пройдёмся… Ты как сам-то? Одной рукой справишься?

Слепцов только махнул здоровой.

Командир со штурманом покинули место катастрофы.

Бортмеханик Слепцов остался ждать помощи.

Что было известно Слепцову совершенно точно – что ему нужен покой. Поэтому он натащил в кабину консервов, примус, нацедил из ближайшей мочажины воды. Вода была цвета плохо заваренного чая, и в ней плавали остатки каких-то тундровых растений. Слепцов заварил в ней настоящий чай, размешал сахар, выпил и попытался заснуть.

Спать мешали комары. Здесь было кошмарное количество комаров, миллионы… Уснуть можно было, только зарывшись с головой в спальник. Но в верблюжьем спальнике было жарко, а комары, казалось, были способны просачиваться даже в микроскопические щели.

Ночью комары пропали, а по плексигласу кабины настойчиво застучал мелкий тундровый дождь. Становилось прохладно. Природа вовремя напоминала про скорый снег, который в Заполярье мог запросто выпасть и в конце августа.

Три следующих дня для Слепцова прошли довольно нелегко: рука распухла, ходить за водой было очень тяжело. Из медикаментов в наличии были йод, аспирин и мазь Вишневского; аспирин он поглощал в больших количествах, а что делать со всем остальным – особого понятия не имел. Подружился с тундровыми сусликами-евражками, они жили среди камней и насторожённо поцвыркивали, когда Сергей начинал вылезать из самолёта и перемещаться к небольшому озерцу – единственному месту, куда он выходил за водой. Рука болела, дождик моросил, небо над тундрой опустилось почти до хвостового оперения самолёта. Было совершенно очевидно, что никто в такую погоду не полетит его спасать, даже если ребята и дошли. В этом, правда, Слепцов сильно сомневался: он иногда собирал грибы в окрестностях «Уэлькаля» и понимал, что это совсем не то, что ходить в хромовых сапогах по взлётной полосе аэродрома. Про себя он давал им на преодоление пространства между точкой вынужденной посадки и «Черским» около четырёх-пяти дней.

Но хмарь, которую принёс ветер с побережья Северного Ледовитого океана, кончилась, небо прояснилось, приобрело характерный для осени серо-голубой оттенок, и на нём снова замаячило сгинувшее, казалось, солнышко.

Потихоньку приближалась осень. Рука болела уже не так сильно, Сергей часто выходил из самолёта собирать шикшу, которая в изобилии росла здесь между камнями. На далёких озёрах за горизонтом собирались гуси – их звенящие крики призывали мороз. Суслики стали жирными и, казалось, едва пролезали в свои норы. Однажды среди каменной россыпи Сергей увидал лисицу.

Слепцов слушал небо до появления галлюцинаций. В этом ему немало мешал находящийся рядом самолёт: при малейшем ветерке в его плоскостях, фюзеляже, на турелях пулемётов и в проволоке антенн возникали самые разнообразные звуки – от человеческих голосов до самой настоящей музыки. Поэтому Слепцов, когда хотел вслушаться в мир, отходил от разбившегося аппарата довольно далеко – метров на триста, на самую вершину камени-

стой гряды, и впитывал пронзительные крики гусей и канадских журавлей, свист крыльев немногочисленных пока утиных стай, звонкие крики пишух-сеноставок…

В какой-то из таких дней Слепцов испугался по-настоящему. Он вдруг понял, что комары практически исчезли. Это означало близкое наступление холодов.

Слепцов вернулся и посмотрел на прикреплённый к двери календарь. С момента вынужденной посадки прошло тринадцать дней. И Сергей едва ли не в первый раз подумал, что парни могли и не добраться до посёлка.

И тогда он начал обдумывать собственное положение уже в совершенно другом свете.

Очевидно было, что рука срастается. Пусть однообразная, но обильная пища, покой и молодость делали своё дело. Но не за горами был день, когда с севера надвинутся низкие лохматые снеговые облака, тундра схватится морозом и по чёрному стеклу замёрзших озёр поползут белые змеи позёмки.

Надо было выбираться и ему.

Что-то тем не менее удерживало его от такого решения. То ли обязательный инструктаж, ещё в довоенное время проводившийся начальником авиаотряда Михаилом Каминским, во время которого многократно подчёркивалось: «Если ваш самолёт сел на вынужденную – находитесь на месте! Рано или поздно вас найдут и спасут!», – то ли что-то ещё, – но пока Слепцов просто гнал от себя эту мысль. К тому же выздоровление отнимало довольно много сил.

В первых числах сентября начались морозы…

Теперь уже Слепцов точно знал, когда он тронется в путь. Это должно было случиться сразу после того, как мягкая поверхность затвердеет от холода, но до того времени, когда выпадет большой снег. И в любом случае его дорога к «Черскому» будет очень и очень замысловатой. Он планировал выйти сперва на берег Анюя, затем двигаться вдоль берега, выходя на Колыму и огибая протоки и старицы.

«Зачем это было ему нужно?» – можем мы спросить сейчас.

Дело в том, что вдоль Анюя рос лес. И лес давал путнику топливо и укрытие от непогоды. Кроме того, несмотря на то что путь по реке увеличивал дорогу как минимум в полтора раза, не меньше половины его пролегало по твёрдым галечниковым косам, идти по которым было намного легче, нежели крутить ноги по кочкам.

Всё холодало и холодало.

Наконец Слепцов собрал в узел всю свою тёплую одежду, спальный мешок, максимум консервов, примерил на бок командирский ТТ и… отложил выход ещё на два дня. К тому времени самолёт казался ему совершенно обжитым, родным. В нём были еда, топливо и медикаменты. Впереди же были холод, тяжёлый путь и неизвестность.

Человек располагает, а бог предполагает. Образ бога, если так можно выразиться, для Сергея Слепцова принял пожилой чукча, который утром сидел под дверью кабины с потрёпанным винчестером на коленях. Выглянув наружу из спального мешка, Сергей охнул и сразу же посмотрел в угол, где лежал пистолет. Коллективизация на Чукотке была далеко не закончена, и тундровики совершенно не понимали, с какой радости они должны сводить воедино свои с таким трудом собранные оленьи стада и тем более отдавать их под управление самых никчёмных своих соплеменников. Кроме того, в местах концентрации зон и лагпунктов местные власти объявили аборигенам, что по одиночным людям в тундре они обязаны стрелять. За каждого убитого человека особисты давали аборигенам мешок муки и мешок сахара, тем самым отсекая зэкам путь для побега.

Иными словами, в тундре порой постреливали.

Но поглядев на безмятежное, хоть и серьёзное, лицо пастуха, Сергей застыдился. Если бы чукча захотел причинить ему вред, то он, Сергей, был бы уже давно мёртв. Он вылез из спальника.

Сразу же Сергей столкнулся с очень большой проблемой: русский язык пастуха был предельно ограничен. Они пили чай и пытались объясниться жестами. Сергей пытался показать, что самолёт сломан, сам он был нездоров, его товарищи ушли, а ему пришлось остаться. Пастух, которого звали Тевлянто (это Сергей понял), пил чай, улыбался и всё твердил: «Харасё».

В какой-то момент Сергей уловил в низине движение – стадо оленей, около тысячи голов, двигалось через тундру. Чуть поодаль от стада виднелась небольшая группа оленей и людей, возле них лежали вьюки и шкуры. Тевлянто встал и начал махать руками. От группы отделилась какая-то точка и направилась к ним. Через полчаса Сергей уже мог различить упряжку оленей, за которой тащилось какое-то диковинное сооружение – что-то вроде волокуши.

Сооружение сопровождали два молодых парня, почти мальчики.

Они остановились под склоном: видимо, не хотели рисковать оленями и волокушей среди камней.

Тевлянто снова замахал руками, пытаясь объяснить Слепцову, что ему надо взять свои вещи и идти вниз. Сергей послушался. Расставаясь с самолётом, он испытывал настоящую горечь: в течение месяца этот самолёт был его домом, и этот дом ему вряд ли суждено когда-нибудь вновь увидеть.

Через три дня молодые пастухи привезли его в аэропорт перегонного полка в посёлке Черский. Выяснилось, что все поисковые полёты проходили вдоль побережья Чукотского моря – в трёхстах километрах севернее их маршрута. Последние передачи с борта бомбардировщика были весьма неразборчивы, и потому командование и аэродромные службы пришли к выводу, что В-25 следует традиционным маршрутом.

Командир и штурман так никогда и не были найдены.

История третья. Анюйское сидение

Транспортный самолёт Г-2 с грузом американской тушёнки готовился к вылету по маршруту посёлок Уэлькаль – посёлок Сеймчан. Надо сказать, что этот транспортник – гражданская версия тяжёлого бомбардировщика ТБ-3 – изрядно устарел ещё до войны. Потому значительная часть этих машин была переделана в транспортные самолёты и задействована на значительном удалении от линии фронта – в частности, некоторая доля этих машин обслуживала трассу перегона Аляска – Сибирь. На самолётах «АлСиба» в сражающийся Советский Союз поступали также продукты питания, медикаменты и некоторые малогабаритные, но исключительно ценные виды сырья. Но упомянутый борт вёз с собой только один вид груза – тушёнку для персонала аэропорта «Сеймчан». Экипаж самолёта насчитывал три человека – командир Алексей Чепурных, бортмеханик Тельман Гусейнов и штурман Александр Кухонин. Накануне экипаж праздновал день рождения одного из приятелей и поэтому находился в слегка «перегруженном» состоянии.

Г-2, или, иначе, АНТ-6, один из крупнейших самолётов, работавших на трассе «АлСиб», на первый взгляд был хорошо приспособлен к суровым арктическим условиям. Недаром пять этих машин, специально оснащённых для арктических условий, активно использовались в первых арктических исследованиях: именно они высаживали на Северный полюс группу под руководством Папанина, один из самолётов АНТ-6 был модифицирован для рекордного перелёта Леваневского. Заметным плюсом Г-2 была его большая грузоподъёмность – около одиннадцати тонн.

Самолёт взлетел и взял курс на Сеймчан.

Через два часа после начала полёта Г-2 попал в полосу сплошной облачности.

Посовещавшись, экипаж принял решение проложить маршрут через горный хребет, вместо того чтобы облетать район облачности по северной или южной дуге.

Включение антиобледенительных приборов не привело ни к каким результатам. В довершение ко всему лёд оборвал радиоантенну, и самолёт оказался без связи с аэропортами по пути следования.

– Ближайшие площадки – Марково, Щербаково, Верхнее Пенжино и Кедон, – рассуждал командир. – До каждой не меньше пятисот километров. Марково, пожалуй, поближе, но там погода начала портиться раньше, и сейчас она уже, наверное, совсем ни к чёрту. Надо искать площадку, садиться.

Внизу торчали остроконечные горы Колымско-Анадырского водораздела, и выбрать точку, более-менее подходящую для вынужденной посадки, было весьма и весьма проблематично. Кроме того, командир Чепурных понимал, что на этой точке самолёт будет находиться как минимум два дня – пока погода не улучшится. Потому в соседстве было желательно иметь какой-нибудь участок лесной растительности. Два мотора аэроплана уже работали с перебоями, когда под крылом Г-2 показалась длинная мохнатая полоса речной поймы.

Здесь надо заметить, что в тридцатые-сороковые годы понятие «вынужденная посадка» отнюдь не являлось синонимом слова «катастрофа». Самолёты зимой были снабжены лыжами, посадочной полосой для них служило любое большое озеро или отрезок речного русла. В случае обнаружения какой-нибудь неполадки, мелкой поломки или просто сплошного фронта непогоды самолёты садились прямо по маршруту следования и их экипажи тем или иным способом улаживали неприятности. Очень подробно об этом написано в замечательном романе Вениамина Каверина «Два капитана». Так что командир Чепурных дважды прошёл над руслом реки, вдоль которого тянулась длинная лента пойменной тайги, оценил направление ветра, состояние снегового покрова, и через пять минут Г-2 загрохотал лыжами по твёрдым застругам.

На этот раз вынужденная посадка обернулась серьёзными неприятностями. Под снежным покровом притаилось несколько крупных валунов, одна из стоек шасси самолёта подломилась, машина развернулась, рухнула набок, вспахивая снег концом одной из плоскостей, да так и застыла.

Экипаж с руганью посыпался в снег.

– Да, залипли мы тут, – высказался по сути дела Чепурных. – И ведь хрен кто найдёт нас тута – только случайно. Последний раз с землёй связывались, когда Марково пролетали.

– Щас-то мы где? – резонно спросил Гусейнов.

– Как где? – изумился Чепурных. – Я же сказал – в двух часах от Марково.

– Хорошо хоть, тушёнку везём, – встрял рассудительный Кухонин. – С голоду не сдохнем.

– Или сдохнем, но не сразу, – изобразил не свойственный ему пессимизм Чепурных.

– Или нас расстреляют за хищение социалистической собственности в военное время, – заметил осторожный Гусейнов.

– Для того чтобы потом расстреляли, надо сперва выжить, – логично заметил Кухонин.

– Мы здесь что – дохнуть собрались? – изумился Чепурных.

– А что, нет? – спросил Гусейнов.

И все трое захохотали.

На первый взгляд ситуация к веселью совершенно не располагала. Их было трое в полутысяче километров от ближайшего населённого пункта, в районе, не посещаемом оленеводами, и далеко-далеко от точки последней связи. В их активе были: две тысячи килограммов свиной тушёнки, несколько больших полотен брезента, два примуса, спальные мешки, два пистолета ТТ, старая винтовка «Маннлихер» времён Первой мировой войны и к ней тридцать патронов, две тонны авиационного бензина и всякая мелкая всячина, которая со временем поселяется в любом крупном транспортном средстве, – от кружек и ложек до тайных заначек чая и сахара.

Всё тщательно выскребалось из углов, раскладывалось на полу кабины и переписывалось рассудительным Кухониным. Который оказался ещё и хозяйственным к тому же.

– Надолго нам тут хватит? – спросил Чепурных.

– Если только мяса – в банках, конечно, – то на три года, – удовлетворённо ответил Кухонин. – С цукером хуже – не больше чем на месяц. С чаем совсем худо.

– Вместо чая можно какие-нибудь цветы заваривать, – мрачно сообщил Гусейнов.

– Цветы? Где ты видишь здесь цветы? – оторопело переспросил Чепурных.

Все не сговариваясь огляделись.

– Наглядный плакат из серии «О вреде суеверий», – сказал Чепурных, и все снова захохотали.

Вокруг расстилалась снежная равнина, и только вдалеке на высоком берегу в вихрях пурги маячили чёрные ободранные деревья. Это был единственный островок жизни в радиусе человеческого взгляда из самолёта.

– Тьфу ты, чёрт, – посерьёзнел Чепурных. – Но мы, похоже, здесь всерьёз и надолго…

– Всё, что мы знаем, – проговаривал он собравшимся у горящего примуса товарищам через полтора часа после того, как фюзеляж самолёта был приведён в относительно пригодное для жилья состояние, – это то, что мы рухнули в бассейн какой-то речки, впадающей в Колыму. В устье Колымы стоит посёлок Черский, там находится один из наших аэродромов. Если идти по этой речке вниз – и так до Колымы, то потом по Колыме и до Черского дойдём.

– Вряд ли мы до него дойдём, – хмыкнул рассудительный Кухонин. – До него тыщи две километров. Ни по снегу, ни без снега мы такого пути не осилим.

– По снегу не осилим, – согласился Чепурных. – По реке – запросто. Дождёмся весны, свяжем плот и сплавимся хоть до океана.

– До океана… Хммм… – задумался Кухонин. – А ты твёрдо уверен, что мы в Колымском бассейне упали?

– Мммм, – задумался Чепурных. – Да… Наверное…

Он вытащил карту с большим количеством белых пятен. Направления рек и отдельные вершины на ней обозначались пунктирами и точками.

Сомнения Кухонина имели под собой глубокую почву.

Сегодня для нас это удивительно, но в начале сороковых годов значительная часть советского Севера ещё не была покрыта топографической съёмкой, и неисследованные территории на картах выпуска ВГУ – Высшего геодезического управления – обозначались самыми что ни на есть настоящими «белыми пятнами». Подавляющая часть направлений рек была указана верно, но в местах, где сходились несколько бассейнов, ошибки бывали неизбежны. Собственно, в таком месте они и оказались.

– И что, если мы где-то в верховьях Баранихи или Угаткына? – вступил в разговор Гусейнов как самый младший.

– Ну что… всё то же. Ждём весны, плывём до окияна, а там двигаемся берегом на восток. На побережье полно народу. Как на Невском, – подчеркнул Чепурных своё ленинградское происхождение. – Там Чаун, Певек, Шмидт, Ванкарем… Впрочем, мы всё-таки на каком-то притоке Колымы.

– Это почему?

– Я верховья Угаткына хорошо знаю, – снова заговорил Кухонин. – Мы точно не там. Я год назад куропачил[1] там с Алиевым дня три. Это не Угаткын. Посмотри на деревья.

– Ну. И что? – пожал плечами Чепурных.

– Это лиственница. Ты на Чукотке лиственницу видал?

– Видал, – быстро сказал Чепурных, – возле Маркова. Там её совсем немного, но есть. И на Ерополе.

– Ага. Но что Анадырь, что Еропол текут на восток. А здесь река течёт на запад. Или на юго-запад.

Чепурных встал, взял компас и вышел наружу.

– Метёт чёрт-те как, ничего не видно, – вернулся он, отряхиваясь. – Но, похоже, не на юго-запад, а точно на запад. Значит – Колыма. Значит, плыть нам до Черского по весне.

– На чём поплывём-то? – пожал плечами Гусейнов.

– Нам бы дожить до весны. А там найдём, на чём, – сказал оптимистичный Чепурных. В конце концов, зима заканчивалась, в самолёте лежало две тонны тушёнки, они все были крепки, здоровы, и на троих им было меньше семидесяти пяти лет…

Началась длительная весновка.

Надо сказать, что все три члена экипажа с энтузиазмом брались за любую работу по обустройству их временного лагеря. В трёхстах метрах под деревьями они обустроили стационарный бивак, на который постепенно перетащили постели, кухню, большинство необходимого снаряжения и запас продуктов. Ели преимущественно тушёнку, однако как-то раз вышедший прогуляться буквально на полкилометра Кухонин завалил случайно оказавшуюся рядом самку лося. Тушёнка была немедленно забыта, бульон заменил чай, и только вечерами, сидя у ярко горящего очага, Чепурных с Кухониным поминали бедному Гусейнову его «чай из цветов».

Собственно, именно из-за возможности отогреваться у открытого огня лётчики и перебрались из фюзеляжа самолёта в импровизированное убежище из брезента, засыпанное по краям снегом. Стоит заметить, что оно, как и многие (не сказать чтобы большинство, но многие) импровизации, оказалось весьма удачным. Сперва экипаж заготовил три десятка

[1] Сидел на вынужденной посадке (лётный жаргон 1930-40-х годов).

длинных лиственничных жердей метров в пять-семь длиной. Жерди связали у вершин и поставили шалашиком, как это видели у речных анадырских юкагиров. Этот шалаш накрыли брезентом, оставив на самом верху отверстие-дымоход, а края засыпали снегом, так что из сугроба торчало от силы полтора метра кровли с постоянно курящейся вершинкой. Снег создавал теплоизоляцию, и в этом странном «вигваме» временами оказывалось вполне уютно.

Валежника кругом было с избытком, и в центре хижины не угасал огонь.

Внимательно рассмотрев потерпевший крушение аэроплан, Кухонин решил, что некоторую часть его конструкции можно использовать для строительства плавсредства. А именно баки, находившиеся в плоскостях. Под его руководством Чепурных и Гусейнов размонтировали крылья, извлекли оттуда ёмкости для горючего, слили весь запас топлива в один бак и с помощью верёвок, проволоки и тех же лиственничных жердей, которые годились здесь абсолютно на всё, собрали весьма вместительный плот. Плот этот они втащили на крутую кромку берега рядом со своим «чумом».

– Чтобы как только вода пойдёт, сразу прыгнуть на него – и ходу! – резюмировал неунывающий Чепурных.

Неленивый Кухонин заготовил для управления плотом три здоровенных шеста и три весла чуть меньших размеров. Никто из них раньше никогда ни на чём не сплавлялся и если и наблюдал за сплавом со стороны – то только в кино, в кадрах кинохроники. Естественно, из киношных воспоминаний никто ничего путного не вынес. Поэтому и шесты, и вёсла Кухонин заготовил, только исходя из умозрительной теории процесса. Шесты и вёсла он уложил сверху на брезент, чтобы они прижимали его плотнее к жердям каркаса.

Шло время, и экипаж постепенно начала одолевать леность. На самом деле они оказались в условиях с избытком пищи и топлива, температура за пределами их обиталища с начала марта не падала ниже минус тридцати, усилия, необходимые для жизнеобеспечения, были минимальными. Конечно, лётчики продолжали тревожиться за родных – почти наверняка их уже списали как пропавших без вести, – но с этим уже было ничего не поделать.

Снег начал потихоньку проседать и наполняться водой. На речной косе напротив, там, где сиротливо завалился набок их незадачливый небесный тихоход, стали появляться проталины. Ещё немного – и по ним запрыгали бело-чёрные арктические воробьи – пуночки. Начинался весенний пролёт птиц.

Лётчики экипажа настолько привыкли к тому, что в любой момент можно сходить к самолёту, лежащему напротив, что в какой-то момент не поверили своим глазам, увидав, как натоптанная стёжка, пересекавшая русло реки, наполнилась тёмно-синей водой. Теперь прогуляться к фюзеляжу можно было только рано-рано поутру, когда верхний слой снега смерзался в прочнейший наст – такой, какой выдерживал вес одного человека без лыж.

Конечно, экипаж понимал, что лежащий на косе самолёт обречён. И тем не менее все они в последний раз перешли на другой берег, тщательно осмотрели фюзеляж, то, что осталось от плоскостей, и перенесли на свою сторону максимальное количество самых разнообразных вещей (а то и просто длинных металлических деталей). С самолёта сняли все таблички с номерами и опознавательными знаками. Теперь покинутый фюзеляж лежал на серой, уже почти полностью оттаявшей галечниковой косе, как гигантская доисторическая рыбина-амфибия, выползшая из какого-то тайного убежища в горах, да так и подохшая на берегу реки, не добравшись до вольготного полноводья океана.

Весна, как это обычно бывает на Севере, наступала стремительно.

В какой-то момент перестал держать наст, сугробы размокли, как рулоны туалетной бумаги, внезапно напитавшиеся водой, каждый шаг по снегу стоил изрядных усилий. Изменилась погода. Вместо палящего весеннего солнца на небе повисла низкая серо-коричневая тёплая хмарь. Временами из неё начинал валить мокрый крупный снег, который тут же таял

на земле и становился незаметен на поверхности сугробов. Иногда из-за этого влажного ватного облачного покрывала доносился звон пролетающих гусиных стай.

Река тоже менялась. Сперва снег на русле напитался водой и приобрёл странный бело-голубой оттенок, похожий на тот, который образуется, когда в известь чуть-чуть добавляют синьку. Все следы в этом снегу мгновенно заполнялись водой, которая почему-то по контрасту казалась чёрной, поэтому и цепочки следов лётчиков, и лосиные стёжки, и просто ямы под берегом выглядели, как жирные чернильные точки.

Выше и ниже лагеря на реке появились промоины. Утром и вечером на них садились и взлетали маленькие стаи крохалей.

– Нет пролёта, – качал головой Гусейнов, поднимая взгляд к небу, откуда на его лицо опускались разлапистые, словно пауки, снежинки.

– Есть пролёт, – говорил рассудительный Кухонин, живший на Севере уже почти восемь лет. – Только он за облаками, мы птицу и не видим. А садиться ей здесь некуда: кормовых мест мало.

– А чего же в Уэлькале весной утки прямо миллионы прут?

– Наверное, там ей гнездиться есть где, – рассеянно отвечал Кухонин. Он уже в триста который раз проверял вязку плота и добавлял в его конструкцию какие-то ведомые только ему усовершенствования.

Тем временем снег на реке словно растворился, и лёд подвсплыл по всему руслу. Был он серый, ноздреватый, в фурункулах и воронках, как кожа кита, выброшенного на берег, – такого они видели в Уэлькале.

А ещё природа вокруг задышала.

Нет, это не значит, что в феврале и марте они жили внутри кольца абсолютной тишины, – время от времени то трескалась ветка в лесу, то вихрем пролетала стая зимующих чечёток, то со вздохом оседал край сугроба. Но в конце апреля – начале мая звуки издавало буквально всё. Шуршали сбрасывающие с себя снежный покров ветви кедрового стланика, потрескивали расправляющиеся ветви деревьев, вздыхал и трескался под напором прибывающей воды лёд.

И, конечно, кругом говорила вода…

Она журчала, стекая с крутых берегов на серый речной лёд, ручейками тянулась под угрюмыми покосившимися шапками сугробов, протекала в глубь толщи льда, и тонкие иголки льдинок внутри этой толщи звенели, как камертоны.

Это была весна.

И в какой-то день уставшие уже от бездействия мужчины увидели, как лёд оторвался от берегов и двинулся вниз по реке.

Вода поднималась, и караван шуршащих и трущихся о берега льдин подходил всё ближе к их «вигваму». Отдельные ледяные поля, ударяясь о берег, выворачивали кубометры грунта, словно ковши экскаватора. Другие перемалывали упавшие поперёк русла деревья, как кусты под напором бульдозера.

– Ещё два дня такого подъёма – и нас вместе с чумом смолотит, как на мельнице, – горевал Гусейнов.

Но ледоход длился всего сутки – лагерь потерпевшего бедствие экипажа стоял в самых верховьях реки, и большому количеству льда здесь просто неоткуда было взяться. Но лёд прошёл, а уровень воды всё лез и лез вверх. Река вспучивалась на глазах и из тонкого чёрного спокойного канала превратилась в бурый вспененный, изуродованный водоворотами поток.

– И что, нам по нему плыть? – с неодобрением посмотрел на воду командир Чепурных на следующий день после того, как последняя льдина ушла за поворот.

– Наверное, не сегодня, – усмехнулся Кухонин. – На хрена мы здесь два месяца сидели? Чтоб утопнуть под ближайшей корягой? Плот наш хоть и здоровый, но, думаю, маневренности у него не больше, чем у мясницкой колоды.

– Зато быстро долетим, – хмыкнул Гусейнов. – В отряде нас уже небось давно похоронили.

– Ну вот и не хрен оправдывать их ожидания, – обрубил Чепурных. – Начнёт вода падать – мы и двинемся. Кроме того, слышал я про здешние реки. Здесь ледоход с верховий начинается. Среднее течение нашей речки ещё стоит небось. А на Колыме, куда нам, собственно говоря, и надо, вообще зима зимущая.

Вода продолжала подниматься. Причём делала она это настолько стремительно, что экипаж даже установил вахты. Лётчики напряжённо следили за тем, в какое время пенная кромка воды сглатывала расставленные вешки.

– Эдак нам хошь – не хошь на плот перебираться придётся, – хмыкнул Чепурных.

Надо сказать, что с наступлением оттепели и более того – устойчивого тепла проблем у потерпевшего крушение экипажа прибавилось. В пору умеренных морозов и устойчивого антициклона их врагом выступал преимущественно холод в чистом, так сказать, виде. Основным окружавшим их веществом был чистый сухой и умеренно рыхлый снег. Снег этот практически не прилипал к одежде, легко стряхивался, а если и таял, то смачивал только поверхность. Но как только снег начал таять, он стал промачивать одежду и обувь буквально «до тела» в считанные минуты работы на улице. Сушка же промокших вещей также стала занимать значительно больше времени: если при морозах сырой от пота полушубок можно было просто повесить на улице дня на два, чтобы влага вымерзла из ткани, то сейчас приходилось круглосуточно палить костёр в чуме. Дрова таяли на глазах.

– Скоро ещё комары полетят, – «радовался» оптимистичный Чепурных.

– Не, до комаров мы отсюда точно смоемся, – возражал рассудительный Кухонин. – Или нас смоет.

И глядел под берег, в несущуюся мутную воду.

Паводок не достал до чума буквально сантиметров сорок. Зато он развернул фюзеляж самолёта аккурат вниз по течению, так что могло показаться, будто рыбина-гигант пытается совершить бросок к недосягаемому для неё морю.

Но раньше бросок к морю решили совершить лётчики.

Шла вторая неделя половодья, и Чепурных практически уверился в том, что путь до Черского уже свободен. Как бы то ни было, начиналось лето.

Горячий Гусейнов всё пытался ускорить отплытие, утверждая, что после появления в аэропорту их расстреляют как дезертиров. Чепурных и Кухонин настаивали на задержке, утверждая, что на Севере выживают только те, кто действует медленно и наверняка. Логические рассуждения действовали на азербайджанца с трудом, зато он легко поддавался простому запугиванию и предпочитал верить на слово, что лучше пожить до расстрела ещё полтора месяца, нежели сразу сгинуть на ближайшем повороте, нырнув под корчи.

Наконец, когда на ивах начали распускаться первые листья, экипаж стащил на воду свой нынешний «самолёт». Площадь плота была около двадцати квадратных метров, его основу составляли два связанных поплавка-бензобака. Поверх них красовалась платформа, связанная из лиственничных жердей, с натянутым поверх неё брезентом. На платформе лежали завёрнутые в другой кусок брезента спальные принадлежности и полушубки, а также несколько ящиков с тушёнкой, инструментами и снаряжением.

Это напоминало всё что угодно, только не плавательное средство.

Лётчики взошли на его настил и оттолкнулись от берега. Наполовину затопленный фюзеляж самолёта смотрел им вслед, пока странное чудище, состоящее из частей его тела и души, не скрылось за поворотом…

Очень быстро экипаж понял, что, во-первых, плот на реке практически не управляется кормовым веслом и требует постоянной гребли с обоих бортов, во-вторых, причаливает он (а точнее – вылезает на берег) в соответствии со своим настроением и по собственному разумению.

Река в паводок «тянула» плот с большим энтузиазмом – со скоростью пять-восемь километров в час, так что Чепурных и Кухонин еле-еле успевали отталкиваться от берегов, мелей и коряг. Гусейнов же сидел посреди плота и потихоньку причитал, прощаясь с жизнью. После первого причаливания он схватил в охапку личные вещи и со скоростью обезьяны, преследуемой тигром, вылетел на самую высокую точку берега, откуда с обиженным видом наблюдал за дальнейшей разгрузкой.

На каждой стоянке экипаж устанавливал брезентовый тент, разводил костёр, сушился, готовил пищу, немного отдыхал, затем грузился и плыл дальше. Через переход незадачливые «сплавщики» поняли, что самое выгодное время для движения – с трёх часов утра до полудня – когда снег в горах перестаёт таять, подъём воды прекращается и течение замедляется.

Сплав на плоту в условиях паводка требовал от лётчиков такой же собранности и внимательности, как и при полёте над неизвестной местностью и в сложных погодных условиях.

Река становилась всё шире и шире. Наконец перед ними распахнулось широкое водное пространство: это Колыма катила свои воды в Северный Ледовитый океан…

Меньше чем через сутки после выхода в Колыму странный плот с тремя заросшими, предельно грязными и столь же счастливыми персонами прибился к пристани посёлка Черский.

В части экипаж встретили как героев, причём давно и глубоко похороненных.

Бортмеханик Гусейнов пытался рассказывать, как они хорошо жили после авиакатастрофы, много ели и ничего не делали. По молчаливому согласию оставшегося экипажа и командования части его быстренько отправили на фронт.

Покинутый самолёт больше никто никогда не видел – видимо, он был размолот на куски несколькими последовательными ледоходами и паводками.

История четвёртая. Пожар в избушке

Начинался ноябрь – самый, наверное, мрачный месяц всего изобретённого человечеством календаря. С его постоянно укорачивающимся днём, длинными утренними и вечерними сумерками, короткими пасмурными днями. А может, и не пасмурными, просто небо над тайгой в Приполярье кажется в этом месяце серым и низким, даже если на нём не висит ни облачка. А в пасмурную погоду оно буквально садится на макушку, придавливая к земле затерянного в природе человека. Холод, сумрак, снег…

Именно в начале ноября и начали свой промысловый сезон в верховьях реки Чёломджи промысловик Виталий Рюмин со своим напарником Сергеем Бабцевым.

Самолёт Ан-2 выбросил их вместе с нехитрым скарбом на речную косу, несколько минут постоял, работая двигателем, а затем развернулся, разогнался, смешно подпрыгивая, по пологому берегу и улетел в сумерки набегающего заката.

Наверное, обычай смотреть вслед уходящему судну или улетающему самолёту – это некий обряд, который если и исчезнет, то только вместе с последним представителем мыслящих существ во Вселенной. По крайней мере, оба охотника не двигались с места, пока силуэт биплана не растворился в быстро темнеющем горизонте.

Спешить и впрямь смысла не было. Вместе с охотниками прилетело всего около трёхсот килограммов продуктов и снаряжения – по мешку муки, консервов и сахара, увесистый тючок с инструментами, спальные мешки, оружие, полсотни капканов, пила «Дружба», полбочки бензина…

Избушка находилась в полукилометре от берега, к ней через захламлённый лес вела извилистая тоненькая тропа. Тропа эта, проложенная в обход упавших колод и выворотней, функционировала от силы месяц в году – до глубокого снега. Настоящая, «рабочая», тропа, по которой носили воду в избушку, таскали дрова и выносили мусор, была ровно в шесть раз короче и выходила на берег ближайшего притока реки – Дигдикана. Здесь на ручье находилась глубокая не замерзающая зимой яма, которая и снабжала обитателей избушки водой весь промысловый сезон. Эта же тропа служила и началом основного промыслового путика.

Нагруженные скарбом мужчины медленно отправились через высокоствольную захламлённую пойменную тайгу – урёму.

Триста килограммов вещей они вдвоём перетащили к избе за три ходки, а полбочки бензина вкатили на высокий речной берег.

Затем сняли с окон тяжёлые деревянные ставни, утыканные гвоздями (так защищают в тайге окна избушек от проникновения медведя), вынули засов из двери и растопили изготовленную из половины железной бочки могучую зимовочную печку. Затем Рюмин достал из лабаза матрасы, посуду и мешок с капканами и начал готовиться к промыслу.

Виталий Рюмин промышлял в тайге соболя больше пятнадцати лет и, хотя по меркам старожилов, имевших за спиной тридцать и более сезонов, считался «зелёным», всё равно был уже опытным охотником. Этот участок он получил от госпромхоза четыре года назад и уже покрыл сеткой троп с установленными на них капканами – так называемых путиков. С этих капканов он ежегодно снимал от тридцати до семидесяти соболей, половину которых сдавал в контору, а остальных продавал перекупщику за вчетверо большие деньги, нежели государству.

Кроме того, ежегодно Рюмин брал на участке пять-шесть сохатых и, по традиции, ловил в петлю медведя. Мясо лосей тоже шло на сдачу в госпромхоз, а медведя Рюмин убивал просто так – чтобы не зазнавался. Считалось, что каждый добытый на участке медведь хоть как-то снижает вероятность разорения избушки.

Медведей в этих краях не любили.

Кроме капканов, в промысле Рюмин употреблял малокалиберную винтовку ТОЗ-16 и карабин калибра 8,2. Но основным его оружием была всё же мелкашка.

Сергей Бабцев был молодым стажёром, которого Рюмину подсунул замдиректора госпромхоза. Замдиректора был якут, и Серёга Бабцев тоже был якут. Направляя Серёгу в напарники-подмастерья, замдиректора упирал на то, что Бабцев по сути таёжный человек, потомственный охотник и уже пару раз бывал на промысле.

Виталий вовсе не был в восторге от навязанного ему компаньона. Он не без оснований предполагал, что Бабцев приставлен от начальства госпромхоза следить за его промыслом, и если оное начальство сочтёт, что Рюмин утаивает от него слишком большую долю добычи, то участок перейдёт к другому хозяину. Возможно, к тому же Серёге. Который будет отдавать «лишних» соболей не перекупщику Ильхану Хаджиеву, а тому же замдиректора, и не за вчетверо, а лишь за втрое большую цену, нежели они доставались родному государству.

«Ладно, война план покажет, – подумал про себя Рюмин, осматривая невысокого сухощавого паренька. – Глядишь, припрёт тебя в тайге без радио и девок – сам сбежишь».

Радио и девок Рюмин полагал неотъемлемой частью «молодого» образа жизни. И, по сути, не очень в этом ошибался.

Сразу по прилёте Виталий занялся обустройством капканных путиков, оставив всё хозяйство на напарника.

Вести хозяйство на зимнем промысле – дело, в общем-то, нехитрое, но занудное. Его суть в высоких широтах может характеризоваться двумя словами – борьба с холодом. Нет, конечно, сюда входит и запасание воды, и поддержание проруби в нормальном состоянии, и готовка пищи… Но больше всего времени и энергии у человека забирает заготовка дров.

Потому Рюмин вручил молодому человеку бензопилу и объяснил, какие деревья в радиусе полукилометра от базы можно свалить, а какие трогать не стоит. Это разъяснение было абсолютно необходимым, потому что Рюмин, несмотря на козни начальства, намеревался охотиться на своём участке ещё минимум лет пять, и ему вовсе не хотелось иметь вокруг избы вырубленную пустыню. Потому деревья на дрова он валил с большим разбором – одну на пять-семь лесин. Кроме того, в некоторых случаях он щадил даже сухостой: например, рядом с избой торчала сухая дуплистая лиственница, где каждую весну селился дятел-желна. И эту колоду Виталий не собирался пилить ни в коем случае.

Вокруг избы лежало достаточное количество ветровальных деревьев, и именно с них Рюмин порекомендовал Бабцеву начать трудовую деятельность.

Сказал, взял за плечи мешок с капканами, мелкашку, котомку с парой банок тушёнки и буханкой хлеба и ушёл обустраивать путики и ставить капканы.

По возвращении Виталий понял, что в напарнике он ошибался. Сергей Бабцев превзошёл худшие его ожидания.

Может, он и выезжал когда-то с родственниками на промысел, но, похоже, на этом промысле ему даже кашу варить не доверяли. Все наличные пилы – и даже бензопила «Дружба» – оказались «задавлены» в кряжах разной степени мощности, и Рюмину пришлось потратить полтора дня, чтобы высвободить их из цепких древесных объятий. Изба оказалась изрядно загажена, мусор напарник предпочитал выбрасывать сразу за углом, а не выносить на пятьдесят метров в сторону, посуду не мыл, а естественную нужду справлял сразу за домиком. Рюмин сгоряча наорал на него, но про себя поставил на «молодом» крест. По здравому размышлению он даже решил, что нет худа без добра: такой охламон вряд ли разберётся в хитросплетениях промысловой жизни, и Рюмину не составит труда убедить его, что сам он еле-еле сводит концы с концами.

Жизнь, однако, собиралась преподать Рюмину урок. Только он этого пока не ведал.

Так, с переменным успехом в борьбе с природой и компаньоном, прошли три самые важные промысловые недели. Все путики были расчищены от нападавшего на них за лето

валежника, старые капканы расставлены и насторожены, изготовлены стационарные площадки для новых ловушек. Рюмин с нетерпением уже ждал снега, чтобы начать лов соболя «под след».

Но раньше снега, как это обычно и бывает, пришёл мороз.

Это был настоящий мороз, не чета лёгким осенним двадцати или даже тридцати градусам ниже нуля. Сквозь атмосферу сюда достал настоящий космический холод. Именно он, наряду с летними комарами, и делает эти места абсолютно непригодными для долговременного проживания белого человека. И холод вцепился в этот край света своими когтями до самого марта. Щёлкнули, почти мгновенно замёрзнув, крупные озёра и большая река. Застонала почва, которую принялись корёжить и пучить грунтовые воды. Заскрипели и затрещали деревья.

А через три дня после прихода холодов Сергей Бабцев сжёг избу.

Как это происходило, Виталий не видал: он был на промысле. Возвратившись же, он застал ещё тёплое пожарище и дрожащего возле него Серёгу.

Со слов Бабцева, дело происходило так: он решил развести горючее маслом. Бензин отказывался растворять автол при такой температуре, и парень ничтоже сумняшеся решил канистру с топливом нагреть. Поставил ёмкость на печь, а сам вышел на улицу рубить дрова. Про свою рациональную придумку он, как водится, забыл через пять секунд. И вспомнил только, когда через три минуты изба превратилась в пылающий костёр. Спасти что-либо из избы не представлялось возможным, потому что запасливый Рюмин держал под нарами два ящика патронов, и изба трещала выстрелами, пока не сгорела дотла.

Сперва Рюмин сгоряча собирался надавать своему напарнику подзатыльников, но, поглядев на несчастного парня, понял, что никакими побоями делу не поможешь.

А ситуация складывалась очень и очень серьёзная.

Участок Рюмина располагался на самой окраине госпромхозовских угодий, и расстояние до ближайшего соседа составляло восемьдесят километров. Примерно столько же, если не больше, было до одного из ответвлений Колымской трассы. Однако путь до соседа-охотника пролегал по захламлённой густой тайге. А в самом начале зимы каждая яма, каждое понижение в почве могли скрывать главного врага человека в зимнем лесу – подснежную воду, выдавленную морозом из-под земли. Конечно, значительную часть пути можно было пройти по самой Чёломдже, да вот только быстрая Чёломджа в конце ноября ещё не совсем замёрзла, и покрывающий её лёд был неравномерен и некрепок. Потому движение по реке было чревато неоправданным риском. Дорога же до трассы лежала вдоль самого Дигдикана, и если протолкаться через полтора километра низинной тайги, то путник выходил на длинную ровную лесотундру, тянущуюся до самых предгорий. Кроме того, сама речка замерзала раньше и прочнее, чем главная водная артерия этих мест. В сторону трассы вёл невысокий перевал, который даже не очень подготовленный человек преодолевал за полдня.

С перевала уже открывалась трасса, и хотя до неё идти было больше пятнадцати километров, всё-таки в виду какой-никакой обитаемой земли у человека сил в ногах само собой прибавляется.

Это всё передумал Рюмин за полчаса, пока пил сваренный на пепелище избушки чай. Но основной его мыслью оставалось пустить в дорогу многократно проштрафившегося Серёгу Бабцева, а самому остаться в тайге и продолжить промысел.

Идея эта была не настолько безумной, как может показаться на первый взгляд.

Рюмин, как и большинство бывалых таёжников, изрядное количество различного снаряжения держал не в избушке, а в специально построенном для такого случая лабазе.

О, я вам сейчас расскажу, что такое настоящий промысловый лабаз!

Промысловый лабаз – это поднятый на высоту пятишести метров над землёй сруб под крышей довольно значительных размеров, установленный на двух-трёх стоящих рядом

деревьях. Выбранные деревья отпиливаются на значительной высоте – это делается для того, чтобы ветер, раскачивая их кроны, не развалил всю жёстко сколоченную конструкцию. Затем стволы схватываются между собой прочной рамой, и на неё уже крепится платформа пола. После сооружения платформы наверх поднимаются брёвна – на четыре-пять полноценных венца. Эти венцы в конце концов прикрываются крышей – двускатной или односкатной, это уж у кого на что хватает терпения и времени. Вообще-то двускатные крыши преобладают, потому что они устойчивее к ветру – а именно ветер, а не медведь или росомаха, является основным врагом этого поднятого над лесом склада-гнезда.

Попасть на лабаз можно только по лестнице, которую каждый раз после использования склада хозяева отставляют далеко в сторону. Потому что даже забравшаяся на три минуты наверх роска[2] может произвести в хозяйстве промысловика огромное опустошение.

Надо сказать, что кондиции лабаза напрямую зависят от трудолюбия строившего его человека. Самые могучие могут служить человеку убежищами во время непредвиденных ситуаций вроде случившейся. Человек может стоять в них в полный рост, а пол плотно проконопачен, чтобы снизу не сквозило холодом.

Самыми примитивными были лабазы бродячих эвенов – просто настилы из жердей, устроенные вокруг одного-двух деревьев, и скарб на них хранился под открытым небом – просто прикрытый брезентом.

Лабаз Виталия Рюмина был среднего качества – высок и обширен, но жить в нём было нельзя. Зимой-то – уж точно.

Итак, похлебав горячего чая, Виталий залез на лабаз и прикинул размеры хранящегося там богатства.

Мешки с мукой, сахаром, консервами, ящиками макарон, матрасы, некоторое количество запасной одежды, инструменты и лыжи были на месте.

Когда Виталий спускался с лабаза, его лицо было нарочито удручённым.

– Ну что, паря, надо валить отсюда.

– На избу к Богданову? – вяло отреагировал горе-напарник. – Не дойдём, там наледи…

– Думаю, надо к трассе идти, – сказал Виталий и в течение десяти минут излагал резоны.

Мальчишка просто кивал головой, видимо, ничего не соображая.

– Ладно, хрен ли сопли разводить, – разозлился Рюмин и начал готовиться к переходу.

Он сгрёб с лабаза два овчинных полушубка, которыми обычно не пользовался на промысле вследствие их громоздкости, десяток банок мясных консервов, двухкилограммовый мешочек сахара.

– Надо поторапливаться, пока снег не лёг.

– Чего? Сейчас? – с ужасом всхлипнул Бабцев.

– Ну да, сейчас. Под любым выворотнем нам будет так же удобно, как и тут, на угольках, – сказал Рюмин, вывернул из пожарища печку так, чтобы она торчала трубой вверх, заткнул в рюкзак топор и двинулся в путь.

Ночевали они уже на границе лесотундры, преодолев, по мнению Виталия, самый «гнилой» участок пути – тайгу. Теперь им предстояло идти вверх и вверх по плотному удутому снегу.

Горы Северо-Востока выглядят на первый взгляд (особенно когда покрыты снегом) довольно устрашающе. Но впечатление это обманчиво. По большей части это даже не горы, а высокие холмы с пологими склонами и каменистыми вершинами. Труднопроходимыми их обычно делают не рельеф, а заросли кустарниковой кедровой сосны – стланика, растущие

[2] Местное краткое название росомахи.

так густо, что иногда даже опытный ходок может передвигаться по ним со скоростью всего полкилометра в час.

Однако в большинстве случаев долины ручьёв дают возможность пройти заросли кедрача насквозь. Именно таким путём и двигались сейчас Рюмин и незадачливый стажёр Бабцев. Вторая ночёвка у них пришлась на плечо сопки, по которому много лет назад пронёсся пожар. Обгорелые стволы стланика валялись повсюду, словно гигантские серые кораллы или одеревеневшие щупальца осьминогов.

– Здесь остановимся, – сказал Рюмин, опуская свои пожитки на чуть присыпанный снегом ягельник.

Бабцев очумело вертел головой. Вокруг не наблюдалось ни укрытия, ни даже бугорка, который бы защитил их от ветра. Только и было, что гладкая, как коленка, вершина с разбросанными на ней останками кустов-деревьев.

– Шансов на пургу немного, – снизошёл до объяснений Рюмин. – Зато здесь дров сколько угодно, палить всю ночь можно. От стланика огонь самый жаркий. Давай таскай ветки. И помни: дров мало не бывает!

Уже совсем смерклось, когда на вершине «лысины» заплескалось двухметровое полотнище костра. Усталый Бабцев свернулся калачиком на куске брезента с подветренной стороны, а Рюмин остался дежурить, следить за огнём.

«И чего мы за эти шкурки проклятые такой крест принимаем? – думал он, глядя на пламя. – Чтобы проклятые бабы друг перед другом в кинотеатрах шубами и шапками хвастались?»

Прикорнул он перед самым рассветом и проснулся, едва серый сумрак лизнул вершины сопок.

– Просыпайся, паря, идти пора!

Идти по чуть присыпанным снегом валунам в долине ручья было весьма и весьма непросто. Рубчатые подошвы обрезиненных валенок оставляли на камнях нашлёпки из снега. Рюмин опирался на вырубленную ещё на террасе лиственничную палку и заставил пользоваться такой же незадачливого Бабцева.

– Палка жизни в горах очень помогает. Это третья нога у тебя, однако! Смотри, ставишь её между камнями и, как чувствуешь, что упёрлась, переносишь на неё весь вес тела.

Постепенно снег становился глубже и глубже, но при этом плотнее и плотнее. Наконец они вышли на самую седловину.

– Вот она, трасса, – Рюмин устало махнул рукой на север. – Вниз – не вверх, хоть боком катись. Иди до дороги, лови попутку, сообщи в госпромхоз, что у меня случилось. А я обратно двинул, мне соболевать надо.

Лицо Бабцева исказилось от изумления. Такого поворота он совершенно не ждал. И не столько потому, что сочувствовал Рюмину, которому сейчас в чёрт-те каких условиях придётся выполнять госпромхозовский план, сколько потому, что ему приходилось оставшуюся часть пути преодолевать самостоятельно. Честно сказать, и сам Рюмин не раз думал, не оставить ли ему незадачливого помощника у себя, ибо, как известно, «в природе есть масса вещей, невозможных для одного человека, но практически незаметных для двоих». Но уж слишком незадачлив был его нынешний компаньон, и Рюмин чувствовал себя гораздо увереннее, отправляя этого парня по известному адресу, чем если бы он был вынужден надзирать за ним в лесу.

– Сильно не спеши, – дал он ему последний совет, – до сумерек тебе надо добраться к краю леса, там закостришься и переночуешь. К трассе завтра выйдешь. А я на последнее ночевое место двинул.

Провожая Бабцева, Рюмин, конечно, терял четыре драгоценных промысловых дня.

– Но не мог я такого придурка просто так пустить тайгой к людям выходить, – рассказывал Виталий об этом впоследствии, прихлёбывая чай в заново построенной избушке. – Он бы сгинул буквально на первых метрах, а я потом перед замдиректора отвечай! Так-то, конечно, такому хмырю сдохнуть – никакого ущерба для общества. Но отвечать придётся. Так что хрен с ним, пришлось выводить его к перевалу. И то потом весь сезон мучился – вышел он в конце концов на трассу или заблукал в трёх лиственницах…

Возле сгоревшего зимовья Рюмин соорудил что-то вроде палатки: связал каркас по типу козел из пяти шестов, обтянул его брезентом, а внутри установил печку, которую выковырял из пожарища. На пол импровизированной палатки он наломал полуметровый слой тонких лиственничных веток, получился упругий и очень приятно пахнущий матрас – этому способу обустройства ночлега он научился у тех же бродячих эвенов. Поэтому уже через день после возвращения с перевала Рюмин смог почти всё внимание уделять промыслу.

– По сравнению с тем, что могло бы случиться, ущерб был минимален. По сути, сгорели только изба, спальные принадлежности, карабин и запас патронов. Самый важный предмет в тайге, бензопилу, Бабцев ухитрился снова заклинить в одном из деревьев неподалёку, такая же судьба постигла двуручную пилу и ножовку, топоры в момент взрыва находились под рукой на улице, посуду немытую парень, опасаясь моего скорого прихода, собрал в кучу и вытащил на улицу. Спальный мешок и запасной матрас у меня вместе с брезентом лежали на лабазе, там же, где лыжи, – слава богу, глубокого снега ещё не выпало. В общем, даже и выпало бы – я б лыжи себе сделал из сухой чозении, дело-то не очень хитрое, но всё время, время, понимаешь…

– Не холодно было в палатке?

– Ну, в палатке никогда тепло не бывает. Топишь печку – жарко, через пять минут как перестало гореть – дубак такой же, как на улице. Брезент тепла не держит. Особенно первое время тяжело было, пока снег не выпал.

Зато пока снега не было, по путикам легко ходить было. Соболь шёл в ту осень хорошо, лучше, чем обычно, я ещё и из-за этого в тайге остался.

В середине декабря начал выпадать то ли долгожданный, то ли не очень долгожданный снег. В эти дни Рюмин с остервенением валил лес на дрова и на намечавшуюся по окончании сезона стройку.

– Надо было и о следующем сезоне думать. Мне проще было на весну остаться, новую избу построить, чем летом заезжать или в начале следующего промысла время тратить. А дрова – дрова всегда нужны…

За четыре дня снегопадов Рюмин свалил перед палаткой гору дров едва ли не выше своего временного жилища. Максима «дров много не бывает» насквозь въелась в сознание лесного жителя.

– Снег вымороженный шёл, – говорил мне Рюмин, словно оправдываясь, – потому, хоть и выглядишь во время работы, как снеговик, перед палаткой отряхнулся, печку пожарил полчаса – и снова сухой и тёплый.

После снегопадов наступила самая тяжёлая пора промысла: надо было очистить капканы от снега, часть переставить, изучить звериные переходы, понять, где ловить соболя «под след».

Хорошо ещё, часть патронов к мелкокалиберной винтовке лежала в лабазе. Поэтому Рюмин по дороге стрелял на приманку кедровку, рябчиков, глухаря и белку – на ту же сдачу для государственной надобности.

Новый год прошёл в тайге как обычно, он совершенно ничем не отличался от других дней. С утра – волевое решение вылезти из спального мешка на уличной крепости мороз, марш-бросок к печке, разжигание огня под аккомпанемент клацанья зубами, затем очередное затаивание в мешке, сладкая дремота, из которой выводит лишь пение закипевшего чай-

ника. Потом – тщательный разбор одежды, проверка нескольких капканов, которые всегда «на всякий случай» запрятаны в рюкзак. Плотный завтрак – крепкий сладкий чёрный чай и куропаточья шурпа с рисом. Завтракает промысловик всегда очень плотно, потому что трудно сказать, когда доведётся пообедать и, пуще того, поужинать. В обычное время Рюмин долгими зимними вечерами лепил пельмени из сохатиного мяса, замораживал их и брал с собой в дорогу мешочек. В середине дня, остановясь для чаёвки, он высыпал пельмени в котелок и с наслаждением обедал, сидя где-нибудь на лиственничном корне. Но увы, карабин в этом году сгорел в избушке, сохатого добыть не удалось, вот и приходилось пробавляться мелкой птичностью да таскать с собой по путикам мясные консервы, приберегавшиеся на такой вот крайний случай.

Затем наступал черёд тщательного одевания. Глупая присказка «Отчего сибиряки зимой не мёрзнут? Да оттого, что одеваются тепло!» кажется глупой только на первый взгляд, на самом деле в ней заключена огромная сермяжная правда. И подбор одежды, и сам процесс одевания в условиях, когда собираешься весь день пробыть на улице при температуре около минус сорока градусов, – в высшей степени ответственные мероприятия. Дело в том, что каков бы мороз ни был, при движении на лыжах человек греется и даже потеет. Ну а при неизбежных остановках – замерзает. Кроме того, большое значение при зимнем промысле имеет выбор маршрута – и над этим охотник тоже думает, пока не «встал на тропу». Если мороз давит крепко, а по вершинам деревьев слышится хотя бы лёгкий ветерок, нет смысла идти на широкую реку или в лесотундру: обморозишься. В такую погоду проверяют путики, идущие по глухой чащобе, на внутренних протоках и вдоль высокой речной террасы – в местах, защищённых от ветра. А то и подумает-подумает промысловик, выйдет на мороз пару раз, вроде бы собираясь трогаться в путь, – да так и останется у своей палатки. Определив этот день для очередной заготовки дров и валки строевого леса, что занимало у Рюмина больше половины его рабочего времени. Впрочем, как и почти у всех охотников-промысловиков.

Понемногу дни стали увеличиваться, солнце всё дольше задерживалось над розовыми горами хребта. В какой-то из таких дней Рюмин услышал стрекотание самолёта. Биплан Ан-2 шёл над рекой на небольшой высоте, отрисовывая все повороты. Похоже, считал лосей для охотуправления.

Рюмин выбежал на зализанную метелями Чёломджу почти в тот момент, когда машина пролетала мимо. Его заметили. Самолёт дважды прошёл над ним и над его базой и помахал крыльями.

«Теперь в госпромхоз хоть сообщат, что живой», – подумал Рюмин.

В конце февраля Виталий сделал длительную вылазку на южный край своего промыслового участка. Там он повстречал своего соседа – охотника Сашу Богданова, который в поисках выдры тоже проходил руслом реки.

Эти встречи «двух одиночеств» в безлюдной тайге, где в радиусе двухсот километров нет ни одного человека, кроме тебя и твоего визави, кажутся совершенно невероятными, но, тем не менее, случаются гораздо чаще, чем может показаться. Дело здесь вот в чём: каждый странник использует наиболее рациональные, с его точки зрения, пути-дороги, и нет ничего удивительного, что этими путями-дорогами пользуются и другие люди, буде они оказываются в тех же местах в то же время.

Встреча вышла сдержанной, как и все подобные таёжные пересечения. За долгие месяцы одиночества охотники отвыкают от общения и не рвутся к нему. Но Богданов, который выходил на Новый год к семье, мог кое-что рассказать Рюмину о госпромхозе, начальстве и напарнике.

– Молодой, когда в город вернулся, сказал, что ты его выгнал. Лишь бы пушниной не делиться. И даже избу для этого сжечь не поленился. Ему, конечно, никто особо не поверил, но разговоров по возвращении много будет.

– Мне его, чтобы избавиться, было бы проще под лёд пустить, – хмыкнул Виталий. – Не устраивать самому себе спектакль с пожаром. Всё равно никто, кроме меня, ничего ни доказать, ни опровергнуть не сможет.

– Да, так все и подумали. Причём сильно стараться бы не пришлось? – усмехнулся Богданов.

– Руки ещё марать, – хмыкнул Рюмин. – Послал бы его путик проверять в конце ноября – зуб даю, с путика бы он уже не вернулся. Примёрз бы где-нибудь насмерть.

– Ты сам как выбираться собрался?

– Да уж только по весне, сплавом, – хмыкнул Виталий. – Мне ведь избу достраивать надо. Ту, которую я же спалил. Во люди…

– Ну да, – сочувственно сказал Богданов. – Всё там же строиться будешь?

– Да, на том же месте. Там яма на Дигдикане всю зиму не замерзает. Уже и леса заготовил. Теплее станет – работа в охотку пойдёт.

– Да, лучше всего в апреле строиться, – согласился многоопытный Богданов. – Когда капель, тепло и руки сами топора просят. Пол-то из чего класть будешь? Досок у тебя нет небось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.